Константин Фрес
АКАДЕМИЯ ГОЛОДРАНЦЕВ
Тайна Шелкопряда

Константин Фрес
Тайна Шелкопряда

https://litres.ru/74203607

Аннотация

— Аннет, прячься! Рыбоглаз явился и уже справлялся о тебе! Он зол, как каменный горшок, разве что не кусается, помчался сейчас в спальни. Наверняка тебя искать! С ним тощий священник; тоже злой, ну, тот, который любит угощать прихожан розгами. Оба рыщут, как голодные волки в подлеске! — Священник?! Зачем бы это?! — воскликнула девушка, бросая кочергу и отирая руки фартуком. — Да уж не затем, чтобы рассказать тебе святочную историю! — ядовито ответила лохматая голова. *** Аннет сиротка с сильным магическим потенциалом. Но чтобы стать волшебницей, ей надо учиться. Директор приюта, жирный Рыбоглаз, хочет жениться на ней, чтобы завладеть ее наследством, а таинственный юный маг Шелкопряд... а в самом деле, ему-то зачем хотеть принять Аннет в свою семью? Не слишком ли молод он для удочерителя?

Содержание

Глава 1. Прерванное венчание 4
Глава 2. Воспитанница семейства Шелкопрядов 20
Глава 3. Первая опасность 47
Глава 4. Купить породистого, талантливого мага недорого 66
Глава 5. Под защитой Академии 83
Глава 6. С корабля на бал, с лесной дороги — на занятия 106
Конец ознакомительного фрагмента. 107

Глава 1. Прерванное венчание

Аннет любила вечера, когда за окнами бушевала непогода. Деревья ломило тоскливо завывающим ветром, дождь сек мутные стекла, желтые и алые листья кленов сыпались на землю, а в полутемной кухоньке, освещенной лишь одной свечкой, тепло и уютно.

Прогоревшие поленья в печи потрескивали, подчеркивая умиротворённую тишину, угли рдели. Тепло плыло вверх, к потолку, и свежеиспеченным хлебом пахло на удивление вкусно.

Аннет всегда пекла себе крохотный колобок вместе с караваями к завтраку. Она любила оторвать от него хрустящую корочку и вдохнуть горячий запах, струящийся над белым горячим мякишем.

Девушка помешала в печи догорающие угольки и тяжело вздохнула.

Нет, в целом приют «Ночные сверчки» ей нравился. Не самое плохое место.

Тут вкусно кормили, простенько, но хорошо, добротно одевали. Синие шерстяные одинаковые платья, белые льняные фартуки, крепкие ботинки из кожи. В непогоду полагался плащ и шапка. Что еще послушной и кроткой барышне нужно?..

Девиц учили готовить, вышивать и колдовать над чаем с

малиной, чтоб от него мгновенно проходила простуда. Старшая учительница, добродушная и мягкая Квочка, колдовала очень посредственно, но если чему— то учила, то навсегда, и очень качественно. А еще она была доброй и могла утешить в любой ситуации, разрешить любой спор и унять рассорившихся.

Вот только…

…Дверь на кухню приоткрылась со скрипом, чья-то вихрастая голова просунулась в образовавшуюся щель между косяком и дверями, и тайный доброжелатель заговорщическим страшным шепотом произнес:

— Аннет, прячься! Рыбоглаз явился и уже справлялся о тебе! Он зол, как каменный горшок, разве что не кусается, помчался сейчас в спальни. Наверняка тебя искать! С ним тощий священник; тоже злой, ну, тот, который любит угощать прихожан розгами. Оба рыщут, как голодные волки в подлеске!

— Священник?! Зачем бы это?! — воскликнула девушка, бросая кочергу и отирая руки фартуком.

— Да уж не затем, чтобы рассказать тебе святочную историю! — ядовито ответила лохматая голова доброжелателя.

Аннет испуганно подскочила, волосы золотыми неровными лучами рассыпались по ее плечам. Они были удивительно светлыми, блестящими, как волшебная золотая пряжа из сказки, и… обкромсанными грубо и некрасиво.

Только начали отрастать после того, как директор прию-

та — и он же злобный рыжий Рыбоглаз, — в очередной раз устроил девушке выволочку якобы за неряшливость и сам лично, безжалостно и грубо, отрезал ее волосы в три взмаха своими огромными блестящими ножницами.

Аннет проплакала потом целых четыре дня. В зеркало смотреться было просто больно. И пусть Квочка ласково убеждала ее, что она все равно осталась все такой же хорошенькой, на новую прическу без слез глядеть было невозможно.

Над ухом Рыбоглаз и вовсе выстриг плешь, и Аннет, давясь слезами, вынуждена была носить чепчик почти месяц, чтобы никто не дразнил ее вшивой и облезлой.

А Рыбоглаз радовался всякий раз, видя дело рук своих. Злорадствовал, раздуваясь от злости, что изуродовал девушку. Все— таки, мерзкий он человек!

Рыбоглаз — это было единственное, что сводило на нет все плюсы приюта, делая жизнь Аннет в нем невыносимой, тоскливой, полной тревог и страхов.

Больше всего на свете Аннет мечтала, чтоб нашлась семья, которая удочерила бы ее и забрала б отсюда. Но мечте этой не суждено было сбыться. Аннет была слишком взрослой для этого; а усыновители обычно хотели совсем крохотного ребенка, чтобы смотреть, как он растет, учится ходить, играет…

Однажды, правда, Квочка, пыхтя от радости, по секрету сказала, что ею, Аннет, заинтересовалась какая— то знатная

и уважаемая семья.

— Даст магия, они увезут тебя отсюда! — раздуваясь от радости, ворковала Квочка, поглаживая Аннет по голове. — Ах, говорят, очень важное семейство! И богатое. Значит, не из—за денег тебя берут. А еще говорят, что они великие волшебники! Великие! В нескольких поколениях! Вот было б славно, если б они тебя взяли! Твой магический потенциал расцвел бы у них. Я знаю, ты сильная девочка. Если тебя учить, обязательно будет толк!

Но день шел за днем, а таинственный опекун так и не появлялся.

— О, чтобы получить разрешение, нужно много времени! — утешала Аннет Квочка, но Аннет с тоской думала, что, скорее всего, знатные опекуны передумали. Или забыли о ней. Кому захочется тратиться на сироту, учить ее, делать волшебницей? А семья с хорошим магическим даром вряд ли потерпела бы под своей крышей воспитанницу невежественную и неодаренную…

И никто не приехал за Аннет, к великой радости Рыбоглаза.

…И, главное, совершенно непонятно, за что Рыбоглаз на нее взъелся.

Вообще—то, говорят, он раньше таковым не был. Ни к кому не цеплялся, был равнодушен и тих.

И долина Сухой Лог, где располагался возглавляемый им приют, знала его как Джона Уолтерса, чародея средней руки,

слишком неторопливого и ленивого, чтоб добиться каких—то высот.

Он был сравнительно молод — может, двадцати пяти лет, — богат — относительно. Носил добротный сюртук из тертого синего бархата, туфли с блестящими пряжками и отвратительно— рыжую, как чахлая осенняя трава, шевелюру.

На приют ему было плевать; это благое дело — заботиться о сиротках, — досталось ему в наследство от родителей. Всем в приюте заправляла Квочка, а сам Рыбоглаз лишь оплачивал счета, и те не из своего кармана. На содержание сирот шли общественные пожертвования, часть оплачивалась из королевской казны. А часть из наследства, что оставляли сиротам родители.

И вот не из—за наследства ли Аннет Рыбоглаз так злился?..

Злые языки поговаривали, что Рыбоглаз жаден до чужих денег. Что он завышает расходы в своих бухгалтерских книгах, и прикарманивает выпрошенные излишки.

А вот из наследства Аннет ему не досталось ни гроша. Ни медной крошки. Да еще и влетело от королевского казначея, который вдруг проверил счет и заметил завышение. Рыбоглаз еле выкрутился и уплыл поскорее, теряя чешую с ободранных суровым казначеем боков.

Наследство оказалось опечатано с условием, что его передадут Аннет в день ее совершеннолетия, или в случае если она выйдет замуж.

— В сундук! — все тем же страшным шепотом прошипела взлохмаченная голова доброжелателя, и исчезла. Дверь с легким стуком закрылась, а Аннет заметалась по кухне, лихорадочно соображая, куда же в самом деле ей деться.

Сундук, известное местечко для того, чтобы скрыться от Рыбоглаза.

Аннет умела так зачаровать его, что Рыбоглаз в упор не видел свою жертву, даже если сам, своими руками, отодвигал ее хрупкое тельце, чтоб добраться до самого дна и поискать там. Этому нехитрому трюку научила Аннет именно Квочка. Так, по ее мнению, супругам надлежало прятать деньги от воров. Положить на самое видное место и заколдовать. И ведь работало же!

Но Рыбоглаз нарочно наложил в этот сундук тканей до самого верха, и спрятаться там было решительно негде…

Пока Аннет обдумывала все это, дверь на кухню раскрылась, и ввалился сам Рыбоглаз, потный, распаленный, с красной рожей. В руке его покачивался, поскрипывая, фонарь. Из—за плеча выглядывала тощая желчная физиономия священника.

— Вот она! — завопил Рыбоглаз как ненормальный, увидев Аннет. — Иди сюда, мерзавка!

— Зачем? — дерзко выкрикнула девушка. Хотя поджилки ее тряслись. — Что я сделала?! За что вы собрались меня наказывать?!

— Сейчас узнаешь, тварь! — гнусно выругался Рыбоглаз.

— Жене полагается почитать и слушаться мужа своего, — не менее гнусно, похихикивая и потирая сухие тощие ладошечки, произнес священник.

— Жене?! — вскричала Аннет, чувствуя, как от страха холодок карабкается по ее спине, и плечи сводит от леденящего ужаса. — Но я ему не жена! И никогда ею не стану!

— Станешь, станешь! Сегодня ночью я приласкаю тебя как следует, тощая сучка! — с ненавистью прохрипел Рыбоглаз, протягивая к Аннет волосатую ручищу.

***

Ужас девушки был так велик, что она заверещала, как заяц, и каким—то непостижимым образом растолкала обоих мужчин, вырвавшись на свободу.

— Стой, пигалица! Не то я тебе ноги переломаю! — взвыло у нее за спиной. Кажется, удирая, она пресильно ударила Рыбоглаза в бархатный живот, и теперь он корчился от боли.

— Непокорным женам полагается особое наказание! — скрипел зловредный священник. — Я выставлю тебя в одной сорочке у дверей храма и не позволю одеться, пока ты не вымолишь у меня пощаду!

— Мерзкий извращенец! — яростно прокричала Аннет, вся дрожа от ужаса и от омерзения.

Священник славился своими изощренными способами наказывать.

Это всегда было больно, страшно и чудовищно унизительно. И казалось, что священник учит не смирению, а тешит

свою больную фантазию, упиваясь беззащитностью своих жертв—мучеников.

— Держи эту дрянь! Не то ускользнет! Держи!

Худенькая, хрупкая Аннет была легка и вертка по сравнению с ее преследователями. Рыбоглаз, несмотря на молодость, был жирным, словно откормленный кабанчик в хлеву, а священник неповоротлив, как крестьянский тяжелый деревянный стол.

Она легко могла удрать от них, и ей было куда бежать — к Квочке. Та бы обязательно спрятала, укрыла, защитила. Но в этот вечер удача была не на стороне Аннет.

О том, что Рыбоглаз притащит с собой слуг, Аннет почему—то не подумала, главным образом потому, что обычно Рыбоглазу было лень за ней гоняться, и он утолял свою злость очень быстро, если успевал влепить Аннет подзатыльник.

Но сегодня был особый случай.

Аннет почти вырвалась на свободу, выскочила за двери приюта в чем есть, в платье и в фартучке, в тяжелых деревянных башмаках. Налегке она точно добежала бы до домика Квочки, что стоял совсем рядом со зданием приюта, даже под дождем добежала бы, даже рискуя простыть насмерть под порывами ледяного ветра.

Но на крыльце ее под руки подхватили двое, и, упирающуюся и вопящую, втащили обратно, легко протащили по коридору. Еще быстрее, чем она миновала его, сбегая, вта-

щили в кухню, где Аннет еще минуту назад была счастлива и беззаботна…

— Я не хочу! — кричала Аннет в ужасе, извиваясь, отчаянно колотя ногами. — Не буду! Нет!

Священник в душной темноте кухни гадко хихикал, все так же отвратительно потирая руки. Сухая кожа на его ладонях шуршала, как змеиная чешуя.

— Хе—хе—хе, — произнес он зловеще, оглядывая раскрасневшуюся девушку. — А подайте—ка нам священный венок. Как без него заключать брак? Любая невеста мечтает надеть такой венок. Вот видишь, дорогая, как мы заботимся о тебе? Подумали даже о том, о чем ты позабыла!

— Я ничего не забывала! — кричала Аннет, сопротивляясь изо всех сил. — Я не собиралась замуж за этого!.. За этого тюфяка!..

— Не собиралась, так теперь собралась, — зловредно прокаркал священник, натягивая на голову сопротивляющейся и брыкающейся Аннет старый венок, весь серый от пыли, с куском белой ткани в виде фаты. — Ну, все готово. Колечки, колечки не забудьте, уважаемый мастер Джон! Чем вы подтвердите принародно, что она вам принадлежит? Только колечками! Итак, приступим!

— Отпустите меня, отпустите! — надрывалась Аннет, извиваясь в крепких руках удерживающих ее слуг. Рыбоглаз, сложив руки на потертом, полинявшем бархатном пузике, светясь от счастья, стоял рядом и смотрел на свою сопротив-

ляющуюся «невесту» абсолютно людоедским взглядом.

— В этот прекрасный день, — торжественно начал священник, благостно взирая на жениха, — мы собрались здесь… Да заткните вы ей рот, что она орет, эта тощая сволочь!

— Замолчи, мерзавка, — подпел ему змеиным злобным голосом Рыбоглаз. — Не то завтра утром я тебя голую за косы оттащу к храму и вываляю там в луже!

— Что значит если? — возмутился священник, здорово рассчитывая на это жестокое развлечение.

— Святой отец, придержите ваших коней! Она мне еще нужна, чтоб наследство изъять! Так что некоторое время она должна быть живой и здоровой!

Аннет почувствовала, что от ужаса падает в обморок.

Что серенькая жизнь ее, заключённая в этом нехитром мирке, состоящим из кухонной утвари, из огня и дождя за стеклом, сейчас кончится навсегда, разлетится на куски. И она, беззащитная и слабая, будет отдана Рыбоглазу, и он будет делать с ней все, что вздумается, а скорее всего, отдаст на потеху священнику, чтоб тот замучил ее своим изуверскими наказаниями до смерти.

И все для того, чтобы забрать деньги…

— Помогите, — в последний раз выкрикнула она, оседая в удерживающих ее руках.

Ей казалось, что ее враги серыми угрожающими тенями нависли над ней, и топят, душат ее в темноте! И выхода нет…

…От звонкой оплеухи, казалось, взметнулся яркий огонь в печи, и священник, словно изломанная колючая щепка, заныл, корчась на полу.

Руки, удерживающие Аннет, разжались, отпустили, и она уселась на пол, изумленно раскрыв рот. Ненавистный венок съехал ей на нос, и она мало что видела. И кто устроил потасовку — не поняла.

А потасовка была не шуточная!

Священник уползал куда— то в сторону спасительной двери, безмолвные слуги отступили в угол, а Рыбоглаз ныл, скулил и нет— нет, да порывался орать.

И тогда неведомая сила била и трепала его сильнее. Казалось, кто— то ухватил его за горло, поднял в воздух, прижал к стене, и теперь отвешивает ему звонких оплеух.

Лихо сдвинув серый венок из бумажных старых цветков на ухо, Аннет с криком кинулась на уползающего священника, оседлала его костлявую спину, и, ухватив его за ногу, потянула ее назад, заставляя негибкое тело священника прогнуться.

— Ой, ой, ой! — завопил от этой нехитрой кары тот, кто с удовольствием раздавал и более жестокие пытки. Аннет, стиснув зубы, дернула его за ногу, как гребец за весло, в колене несчастного что— то звонко хрустнуло, и священник сомлел, как приговоренный к казни перед плахой.

А Аннет смогла, наконец, рассмотреть своего спасителя. И ей пришлось отпустить тощую ногу священника, чтоб про-

тереть свои глаза, потому что в увиденное она поверила не сразу и с трудом.

Ее спаситель был молод и хорош собой.

Каштановые, чуть волнистые, волосы, темные внимательные глаза, светлое красивое лицо, уже достаточно мужественное, но еще не до конца избавившееся от юношеской свежей яркости — перед изумленной Аннетой был словно принц из сказки!

Принц, который прискакал сквозь ночь и непогоду на своем верном коне, и спас ее!

И здесь, в приюте, на этой кухне, среди нехитрой посуды, среди глиняных кружек и плошек он был такой чужеродный, ну как алмаз среди бобов.

Он был разодет в бархат, но не как Рыбоглаз, в выцветший и тертый, а в новешенький, шоколадный и светло— коричневый, кремовый. Его одежда походила на пестрые и прекрасные крылья ночного мотылька, а поблескивающие драгоценные камни украшали его словно капли росы.

На груди была приколота серебряная черненая брошь, красивый шелкопряд.

И на руках его были надеты дорогие и красивые перчатки, которые он даже снять не успел, прежде чем бить рожу этому мерзкому Рыбоглазу!

— Вы за это ответите, — ныл Рыбоглаз, заработавший себе на орехи.

«Принц», смахнув со лба выбившуюся из прически прядь

волос, разжал руку, и Рыбоглаз тяжелым мешком шлепнулся к его ногам, едва не ткнувшись носом в его испачканные в осенней слякоти сапоги.

— Отвечу, конечно, если спросят, — произнес он, переводя дух. — Но и вы, мастер Уолтерс, тоже ответите за насилие, которое я тут наблюдал.

— Какое еще насилие, — хныкал Рыбоглаз, становясь на карачки. Сил подняться на ноги у него не было. — Я жениться собрался! Вы нарушили брачную церемонию! Избили священника! — его голос сорвался на поросячий визг, и теперь он еще больше походил на кабанчика, почуявшего нож. — Я жаловаться буду!

— А мне показалось, — спокойно заметил «принц», глянув на перепуганную Аннету в нелепом венке, — что невеста не очень хочет сочетаться с вами узами брака.

— Не хочу! — дерзко выкрикнула Аннет. — Совсем не хочу!

— Да кто ее спрашивает, замарашку, — продолжил визжать Рыбоглаз.

— Вообще—то, — неприязненно заметил «принц», неспешно вытаскивая из—за пазухи какой—то свиток, перевитый зеленой королевской лентой, — спрашивать полагается абсолютно всех. Даже замарашек. Но перед нами, — он встряхнул свитком, разворачивая его, — Аннета Елена София Алый Мак, не так ли? Слишком громкое имя для замарашки.

И он протянул грамоту мгновенно стихшему поросеночку.

Рыбоглаз, стоя на четвереньках, затаился.

— А— а— а… — протянул он. — С кем имею честь?

Приезжий глянул на него брезгливо, свысока, скосив темные красивые глаза.

— Сами не догадываетесь? — произнес он холодно, стаскивая перчатку с правой руки. — Вас должны были уведомить о моем визите. Да вас и уведомили, судя по вашим действиям и по скоропалительной женитьбе. Кит Ночной Шелкопряд к вашим услугам!

И он церемонно поклонился хрюкающему у его ног Рыбоглазу. А Анетте подал руку и помог ей подняться с распростёртого на полу священника.

— Удочеритель! — прохрипел Рыбоглаз, замерший, как паралитик.

— Удочеритель?! — изумленно воскликнула Анетт, во все глаза таращась на Шелкопряда. Ибо, хоть он и был богат и знатен, но возрастом не вышел, чтоб она, Аннет, считалась его дочерью. Возрастом важный и красивый Шелкопряд был даже младше, чем Рыбоглаз. Но за счет стати, за счет стройности, важности, силы и умения держаться он выглядел, конечно, старше.

— Опекун, — так же холодно поправил его Кит. — Глава семьи. Увы, никого старше не нашлось. Извините, мисс, — теперь он поклонился ей, — что задержался. Испросить

разрешения…

—…дело долгое, — словно в полусне произнесла Аннет, повторяя слова Клуши.

Она смотрела во все глаза и не верила себе.

И знакомство с Шелкопрядом, который назвался ее опекуном, было еще волнительнее, чем нечаянная свадьба с Рыбоглазом. С ним, как раз, все было ясно. Он бы мучил ее и издевался. А Шелкопряд?.. Какое будущее ее ждет рядом с ним?

— Ну, я вижу, невеста против, свадьба не успела состояться, — окинув живым, быстрым взглядом возящиеся на полу тела священника и Рыбоглаза, произнес Шелкопряд. — Разрешение на опеку и изъятие воспитанницы из вашего приюта я вам вручил. Так что никаких препятствий к тому, чтобы увезти эту девушку отсюда, я не вижу.

— Безобразие! — желчно скрипел священник. — Я этого так не оставлю! Я официальное лицо!.. Меня пригласили заключить брак, и я совсем не заслужил того отношения, что вы ко мне проявили!

— Врет! — звонко выкрикнула Аннет, заводясь. — Наверняка сам напросился помочь этому негодяю, в обмен на наказание! Он собирался меня завтра на площади в грязи валять! При всех!

Шелкопряд перевел взгляд на охающего священника. Его темные глаза сделались грозными и недобрыми.

— А кому ж и наставить строптивую девицу на путь ис-

тинный, — ныл священник, — как не мне и не мужу?! Муж — это благо для нее, это!..

Договорить он не успел.

Шелкопряд небрежным жестом стащил с головы Аннет нелепый, рассыпающийся от старости и последних событий, венок, швырнул его в священника, украсив этим тощий оттопыренный зад, и впечатал в священническую жопу смачного пинка.

— Свадьбы не будет!

Глава 2. Воспитанница семейства Шелкопрядов

Аннет поверить своим глазам не могла!

Вот этот знатный господин, весь такой красивый, весь золотом украшенный, приехал, спас, заступился и теперь берет ее в свою семью?! И, кажется, он совсем не злой.

Ну, как — не злой…

Больше всех от Шелкопряда досталось священнику. Сразу же. За истинные пути, на которые он хотел наставлять Аннет.

Шелкопряд, не особо долго вникая в благость намерений священника, вдруг запустил руку за пазуху и вынул самый настоящий магический ключ.

Старинный, с зелеными камешками, лекарский.

Аннет еще успела удивиться, зачем Шелкопряду ключ. И поразиться тому, что у такого юного господина он вообще есть. И пользоваться юный господин им, кажется, умеет.

А дальше Шелкопряд им весьма ловко щелкнул, отпирая магию, и священника со свистом всосало в небольшой смерч. Его перепуганные вопли неслись из вертящейся воронки недолго. Смерч схлопнулся, и все стихло. И священник исчез, словно и не бывало. Аннет даже вздохнула, не таясь, с облегчением. Теперь— то уж точно ей никакое стыдное наказание не грозит! Как и никому вообще в долине…

— Что же вы творите! — воскликнул Рыбоглаз испуганно, глядя, как тающий в магии священник тянет к нему руки. — Вы погубили его! Это произвол! Это!..

— Всего лишь отправил в Башню Иллюзий, — недобро ответил Шелкопряд. — Пусть там дает пояснения своих поступков. Я вижу, что вместо благих дел он издевался над сиротой и угрожал ей. Теперь неплохо было б вами заняться.

Шелкопряд еще грознее нахмурил темные брови, снял вторую перчатку с руки.

От него остро пахло осенью, белыми октябрьскими туманами, палой листвой, дождем и ветром.

Самый чудесный на свете запах!

Аннет вдохнула его с удовольствием, думая о том, что так пахнет ее свобода. И начало новой жизни.

Шелкопряда она боялась все меньше. Слушая его голос, уверенный, глубокий, спокойный, она не улавливала ни одной стервозной, злобной нотки, которая кольнула бы ее беспокойством, как попавшая в чулок металлическая стружка. Шелкопряд сердился, это правда; но в нем не было злобы, желания причинить боли, а потом порадоваться чужим страданиям.

«Человек, который так говорит, не может быть плохим», — рассудила Аннет.

А еще Шелкопряд ей… понравился.

Знаете, как нравится всякий новый, незнакомый, но симпатичный человек.

Аннет глазела на него, стесняясь и слова сказать — а на нее редко нападало такое стеснение! — и с замиранием сердца ждала, когда он закончит с Рыбоглазом и обратит внимание на нее, на Аннет. На ту, которую он приглашает под свой кров.

— А что я, — дерзко ответил Рыбоглаз. К удивлению Аннет, он не спасовал, не стал пресмыкаться перед богатым юным магом. Какая отчаянная храбрость… Интересно, почему он так дерзок?

— Вы пытались силой взять эту девушку, — недобро напомнил Шелкопряд. — Прекрасно зная, что уже дано разрешение на то, чтоб я ее забрал.

Рыбоглаз вздернул подбородок; его толстые щеки тряслись от сдерживаемых чувств, рот растянулся, превратившись в узкую злобную щель.

— Я влюблен, — дерзко и зло соврал Рыбоглаз. — Поэтому хотел жениться. Разве можно судить человека за любовь?

— Влюбле— е— ен? — насмешливо протянул Шелкопряд. — А я слышал, вы весьма неласково обращаетесь со своей возлюбленной. Я могу пересказать ваши слова и выражения попечительскому совету. Да я так и сделаю, чтобы у вас больше не было ни возможности, ни желания «влюбиться» в еще одну вашу воспитанницу.

— Ваше слово против моего! — выдохнул Рыбоглаз, к превеликому удивлению Аннет тоже выхватывая из кармана старый бронзовый ключ, украшенный янтарями. О наличии

такой диковины у Рыбоглаза она даже не подозревала! В их тихой долине есть настоящий маг, с ключом? Невероятно! — Я буду все отрицать, если меня спросят! Вам не удастся меня прижать! И не их таких передряг выпутывался!

Вот это поворот!

Признаться, Аннет не ожидала, что Рыбоглаз окажется так дерзок и осмелится драться с приезжим. Но он выглядел более чем уверенно, и что— то подсказывало Аннет, что дойди дело до дуэли, Рыбоглаз окажется не таким уж ничтожеством.

— Я подтвержу его слова! — смело выкрикнула Аннет, вступаясь за Шелкопряда. — Я расскажу обо всем, что вы тут творили! Как вы издевались надо мной! Как вы остригали мне волосы и давали плохую, малую, старую, ношенную и латаную, одежду! И как заставляли зимой ходить в лес за дровами! Одну! Таскать тяжести и работать на вас бесплатно!

Шелкопряд лишь качнул головой, недобро глянув на Рыбоглаза. Но тот и бровью не повел.

— Оговор! — все так же дерзко выкрикнул он. — Девушка пристрастна! Да она учуяла, что может жить в господском доме, а не в приюте, теперь она скажет что угодно, чтобы меня опорочить!

От этого нахальства у Аннет даже глаза на лоб полезли.

Она стояла, изумлено раскрыв рот, не в силах вымолвить и слова. Ложь Рыбоглаза, словно хорошее заклятье, лишила

ее голоса.

— Жирный врун! — воскликнула она, когда смогла, наконец, вдохнуть и произнести хоть слово.

— Неблагодарная мерзавка! — выругался Рыбоглаз. — Стала бы хозяйкой в моем доме! Мне женой! Чем плохо?

— Мадам Жирный Рыбоглаз?! — яростно выкрикнула Аннет, заводясь. — Чтобы ты по воскресеньям одалживал меня святоше для показательных порок? Нет уж, благодарю покорно! Я лучше стану Шелкопрядом!

Рыбоглаз визгливо, неприятно рассмеялся.

Обычно его смех был уютный, какой— то добродушный, даже если Рыбоглаз творил гадость.

Но сегодня смех его был резкий, как визг пилы. Весь его безобидный, нескладный вид казался декорацией, которая вот— вот упадет, и покажет истинное лицо Рыбоглаза.

— Не заплакать бы тебе потом, — злорадно прошипел он, отсмеявшись, недобро сверкая своими глазками— буравчиками. Так и сверлит нехорошим взглядом! — За какие такие заслуги он тебя берет к себе?! А? Молод слишком, чтобы быть твоим отцом! Что задумал? Сам хочет совратить?

— Не отцом, а опекуном, — сердито огрызнулся Шелкопряд. — У нее достаточно уважаемая фамилия, чтоб от нее отказываться. Я назову ее не сестрой и не дочерью, а воспитанницей! Девушка просто будет жить у меня, ни в чем не нуждаясь и обучаясь в самой хорошей академии!

Но Рыбоглаз не унимался. Ему словно доставляло удо-

вольствие дразнить Шелкопряда и говорить про него пакости.

— Доброты в мире нет! — каркал он мерзким голосом Аннет. — Нельзя верить первому попавшемуся красавчику! В бескорыстность его тоже нельзя верить! Денег ему от тебя не нужно? Так что— то другое подавай! Смотри! Я отрезал волосы — он отрежет голову и выварит в масле, чтобы добыть часть твоей магии!

— Да как ты смеешь! — вскипел гневом юный Шелкопряд, воинственно наставляя на Рыбоглаза ключ.

Рыбоглаз словно только этого и ждал. Видно, он специально дразнил и оскорблял Шелкопряда, чтобы тот на него напал и получил отпор. Каков бы ни был Шелкопряд как маг, а Рыбоглаз полагал себя сильнее его.

И две магические вспышки ключей, столкнувшись, рванули в разные стороны белоснежным светом. В разные стороны полетели обрывки белых бинтов и обломки черных, хищных, как крючки на щуку, гарпунов. Аннет даже вскрикнула, когда обломок черного металла рассек ей кожу на щеке.

Испуганная, она шмыгнула под стол, и оттуда наблюдала эпичную схватку.

Шелкопряд не собирался вредить Рыбоглазу; его оружием были бинты, длинные ленты, которыми он хотел спеленать противника. А вот Рыбоглаз не стеснялся; он точно хотел покалечить юного Шелкопряда, стреляя в него черными маленькими гарпунами. И гарпуны эти в клочья рвали лекар-

скую защиту Шелкопряда.

— Что, сопляк, — торжествуя, выкрикнул Рыбоглаз, увидев, что Шелкопряд, удивленный, отступает, сжимая свой лекарский ключ. — Докторишка! Не ожидал? Не один ты в академиях обучался, ха— ха— ха! Иди, мой свои клизмы и банки!

Шелкопряд очень рассердился, но ни слова не сказал в ответ; вместо этого он снова молниеносно направил на Рыбоглаза свой ключ, и тот подлетел, крутнувшись в воздухе, как юла, сбитый с ног вспышкой обжигающе— белого света.

Он со всего размаха плюхнулся животом на дощатый пол и засипел, отбив себе все внутренности.

— Мерзавец, — изумленно прохрипел Рыбоглаз, поднимая взгляд налитых кровью глаз на поразившего его мага. — Да как ты смел?!

— Не один ты обучался в академиях, — мстительно вернул ему его же слова юный маг. — Хочешь по— плохому? Так и быть!

Все ж Рыбоглаз был толст и неповоротлив, как раскормленный окунь, и не успел среагировать, когда следующая магическая вспышка, слетевшая с лекарского ключа Шелкопряда, стянула с него штаны, повыше задрала его бархатный сюртучок, обнажая дебелую поясницу.

Со смачным хлестким шлепком на нее сверзился большой лоскут перцового пластыря, которым обычно старики греют радикулит. Быстрая белая лента бинта в десять оборотов

облетела толстого Рыбоглаза, намертво приклеивая к нему пластырь.

Наверное, эта примочка тотчас зажгла нежную шкуру Рыбоглаза, потому что тот сразу побагровел, словно внутри его все закипало, и испустил вопль, словно черти из него душу выбивают.

Он подскочил, прыгая, как мяч, дергая плотно обвязывающий его бинт, но так просто избавиться от него не мог.

Расцарапав повязку с одного края, он дернул пластырь. Но затем, чтобы убедиться, что тот крепко прилип к его коже, к волосам, и теперь нипочем не хочет отдираться.

— Вы за это ответите! — верещал Рыбоглаз, отчаянно раздирая себе задницу ногтями.

— Конечно, — серьезно поддакнул Шелкопряд. — Только клизму вымою, погодите. Кстати, как насчет хорошей порции глистогонного с чесноком? Могу влить.

Рыбоглаза припекало все сильнее, как окуня на углях. И он, оставив попытку избавиться от жгучего пластыря, вдруг завопил тонким, испуганным голосом:

— Помогите— е— е— е!

Аннет под столом так и покатывалась со смеху.

— Банки ему, — кричала она, — от простуды!

Рыбоглаза ее веселье разозлило.

Рыдая, утирая катящиеся по багровой физиономии слезы, он из последних сил махнул ключом, посылая в Шелкопряда сотни маленьких, острых, хищных черных гарпунов.

Тут бы и посекли они юного мага, может, не убили бы, но изрезали бы всего, с головы до ног.

Но тут дверь на кухню с грохотом распахнулась, впустив дикий холодный ветер, и тот посбивал оружие Рыбоглаза, словно это был рой мух, кружащихся над известным продуктом жизнедеятельности. Гарпуны попадали

— Ы— ы— ы— ы, — грозно раздалось из коридора. Словно исполин, не особо быстро соображающий, решал, кого разодрать в первую очередь.

Аннет испуганно вскрикнула. Шелкопряд стоял теперь меж двух огней, между страшным пришельцем и разъяренным Рыбоглазом.

— Ы— ы— ы— ы! — прорычало чудовище и сделало шаг вперед.

Бах! Бах!

Словно на пол, жалобно затрещавший под огромным весом, булыжники роняли.

***

Маленькие злые глазки смотрели с каменного уродливого лица вниз, на застывшего Шелкопряда, на перепуганного Рыбоглаза, который даже позабыл от ужаса, что ему зад припекает, и на Аннет, которая под столом просто остолбенела.

— Съе— е— ем! — прорычал монстр грозно, махнув в сторону толстого Рыбоглаза неповоротливой рукой. — Со— о— ожру, ы— ы— ы— ы— ы…

Рыбоглаз коротко вскрикнул, присел от страха и затрясся,

как кролик.

Но Аннет показалось, что неведомое чудище явилось сожрать Шелкопряда. Точнее, оно просто явилось сожрать, а кого — это ему было не важно.

Бесстрашно вынырнув из— под стола, Аннет с воинственным криком схватила первую попавшуюся поварешку и со всех сих огрела чудовище по голове.

— Бам! — сказала голова чудовища, почему— то как пустой толстостенный котел.

— Вон! — кричала Аннет грозно. — Пойдите вон, господин монстр, не то я за себя не отвечаю!

Монстр перестал угрожающе размахивать руками и переваливаться с ноги на ногу; его близко посаженные глазки сосредоточились на Аннет, монстр с хрустом поскреб макушку, поросшую редкими встопорщенными волосами, словно приозерной чахлой травой, и макушка его предательски съехала на сторону.

А рука при ближайшем рассмотрении оказалась сломанной граблей. Она давно уже валялась на грядках с тыквами или подпирала двери. Или мешалась под ногами.

— Бука— бука— бука! Укушу, — на всякий случай пригрозило чудовище Аннет. — Отгрызу всем ноги!

— Девчонку бери! — заверещал Рыбоглаз. — У нее славные толстые ляжки!

— Вранье какое! — возмутилась Аннет. — С чего бы им быть толстыми, уж не с твоей ли капустной похлебки?! Да

и тебе откуда знать, какие они?! Ты что, подсматривал за мной?!

— А ну, цыц! — прогрохотало чудовище, кое— как справившись с замешательством и изумлением и снова замахало руками— граблями. — Сейчас я вас буду убивать! Ам, ам! Р— р— р!

— У меня не толстые ляжки! — яростно прокричала Аннет. Рыбоглаз снова заверещал, как дамочка в бане, обнаружившая, что за ней подсматривает какой— то лоботряс. А чудовище, переступившее через порог, вдруг неловко зацепилось ногой и с воплем начало рушиться.

Прямо на Аннет.

— А— а— а— а! — вопил монстр во весь свой зубастый рот, размахивая поддельными руками.

Наверное, это было очень страшно — когда неведомое существо летит на тебя с грохотом и воем. По крайней мере, Аннет не могла и пальцем пошевелить от страха.

Тут бы и пришел ей конец. Если б не Шелкопряд.

Он и сам успел отпрыгнуть, и ее выдернуть из— под рухнувшего монстра. Аннет и глазом не успела моргнуть, как оказалась в объятьях у Шелкопряда, прижатая к его быстро бьющемуся сердцу.

— У вас кровь, — шепнул он, ласковой ладонью отирая расцарапанную гарпунами щеку Аннет.

У него были необыкновенные глаза. Темные— темные, карие, вспыхивающие на свету как редкий красный янтарь.

И невероятно красивые, с веселой хитринкой. Шелкопряд был красивым молодым человеком и, несомненно, знал об этом. Наверняка пользовался. Рассматривая Аннет, он улыбался совершенно обворожительно, так, что у девушки голова начинала кружиться.

С этой улыбкой на губах он мог кого угодно уболтать на что угодно!

— Ничего, — шмыгнула носом Аннет, чувствуя, как ее щеки начинают пылать пунцовым румянцем от смущения, — заживет…

— Позвольте, я залечу? Не то останется шрам… Нет — нет, — поспешил исправиться он, увидев неподдельный ужас в голубых, как зимнее небо в погожий день, глазах девушки, — не шрам, отметина! Но и она вам не нужна…

Юный красивый Шелкопряд смотрел на Аннет с интересом, словно хотел что— то отыскать в ее чертах, словно хотел проникнуть силой мысли в ее потаенные мечты и желания…

Ах, У Аннет и дух занялся под этими внимательным взглядом! В старых романтических книжках про спящих принцесс, розы и принцев спасители именно так смотрели на своих избранниц, если, конечно, были по— настоящему влюблены!

Меж тем кухня вздрогнула от мощного удара об пол, и монстр, о котором обнимающиеся молодые люди напрочь позабыли, развалился на несколько кусков. Рыбоглаз, о кото-

ром тоже все позабыли, испарился еще раньше, чем монстр развалился на части. Толстый хитрец превратился в струю черного дыма и просто улетел через дымоход.

— Ну ой, — донеслось из угла, куда укатилась странная голова монстра.

— Сегодня ты продержался невероятно долго, Карл, — весело заметил Шелкопряд, рассматривая то, что еще недавно было туловищем монстра и внушало жуткий страх Аннет и Рыбоглазу. — Не бойтесь, Аннет. Это мой друг, Карл. Очень сообразительный каменный котел и потрясающая личность!

В углу снова послышался грохот; голова монстра с ерзающей макушкой, часто— часто подпрыгивая, обернулась к Шелкопряду и Аннет лицом. На поверку монстр оказался каменным волшебным котлом, а его ненастоящее туловище и в самом деле было собрано из случайно подобранных валунов и поленьев.

Карл довольно улыбался, глядя на изумление Аннет, и просто таки надувался от гордости.

— Я прогнал его! — гордо и радостно сообщил он Киту. — Он меня испугался, этот гнилой лесной дух! Сегодня ваша оживительная микстура действовала намного дольше. Я даже чувствовал руки, словно они снова у меня отросли!

Шелкопряд вдруг нахмурился.

— Микстура работает — это хорошо. А вот то, что этот толстяк лесной дух, ужасно плохо, — процедил он сквозь зу-

бы. — Надо же… не ожидал встретить в таком отдаленном, мирном и тихом уголке лесного духа! Да еще и в роли скромного, хоть и хитроватого, директора сиротского приюта…

— Лесной дух? — удивилась Аннет. — Это что такое вообще?

— Боевой маг, — кратко пояснил Шелкопряд, снова отирая кровь, сочащуюся на щеке девушки, и аккуратно приклеивая на нежную девичью кожу невесть откуда взявшийся кусочек пластыря. — Притом один из самых сильных и яростных. Странно, что ваш директор выбрал именно это ремесло, когда обучался. С кем он тут, в тиши, вдали от столичной суеты, собрался драться? Тем более, он показался мне трусоватым…

— Может, потому и выбрал такое обучение, что трус, — брякнул Карл беспечно. — Кого— то боялся настолько, что не заметил, как выучился на трудную и опасную специальность, ха— ха!

Прикосновения длинных чутких пальцев Шелкопряда были ласковыми и теплыми. От их нежных касаний Аннет разомлела, словно сонная малышка, которой читают сказку у ярко горящего, пышущего жаром камина.

Чем больше она смотрела в лицо Шелкопряда, тем больше он нравился ей.

От него не только пахло осенью и ветром, но еще и веяло добротой.

«Да, принцам из сказки полагается быть добрыми и сме-

лыми», — подумала Аннет, с легкой досадой освобождаясь от объятий юного мага. Ибо молодые люди стояли, обнявшись, совсем уж неприлично долго.

Рассматривая друг друга и любуясь.

Словно решая, принимать ли человека, с которым их свела судьба.

Меж тем дверь кухни снова открылась, впуская очередного посетителя, и на пороге появилась Квочка, кудахча ну точно курица. Увидев разбросанные по полу камни и поленья, на которых Карл приковылял пугать Рыбоглаза, она лишь всплеснула руками.

— Во что же вы превратили мою уютную, милую кухню, господин Шелкопряд! — запричитала она. — Камни, ветки, грязь!

— О, ради магнии всемогущей, прошу меня извинить! — весело, все с той же обаятельной улыбкой, произнес Шелкопряд. — Я сейчас все уберу!

— Я сама! — пропыхтела Квочка, ухватывая Карла за уши и одним мощным движением перемещая его с пола на печку. — На моей кухне хозяйничаю только я!

— Ухи, ухи мои! — взвыл котел Карл, но стонать было поздно.

Квочка в один взмах метлы устранила беспорядок, и это почти без магии. Сырые поленья отправились к печи, сохнуть, камни небольшой грудой устроились в углу, листья и грязь были затерты, сметены, словно и не было их тут вовсе.

— Ах, как все удачно… и неудачно! — бранилась и радовалась одновременно Квочка, усаживая гостя и Аннет за стол, а в котел наливая свежей воды и сыпля алых ягод. — Как вы вовремя, господин Шелкопряд! Еще б немного, и этот хитрец обвенчался б с Аннет! И тогда пиши пропало; прибрал бы ее наследство к своим рукам!

— Наследство не главное, — серьезно проговорил Шелкопряд. — Главное дар госпожи Алый Мак. Она сама. Было бы ужасно несправедливо, если б она погасла здесь, у этого толстяка в доме. Так вы говорите, в Аннет есть зачатки великой волшебницы?

—О, есть! — восторженно закудахтала Квочка. — Клянусь! Я сама видела, как дар ее побуждается и иногда работает, нечаянно, знаете, но сильно. Аннет, помнишь, как ты помогла сломанной яблоне срастись? А ее молнией шибануло, пополам развалило! До самого корня!

Шелкопряд согласно кивнул головой. А радость Аннет немного поутихла. Выходит, никакой романтики? Выходит, это рекомендация Квочки помогла ей найти опекуна, и тот собрался ее забрать отсюда потому, что у нее есть какой—то там дар?..

«Ну, по крайней мере, он меня не обманывает и прямо говорит, что ему важен мой дар», — тайком вздохнув, подумала Аннет.

— Что это ты такое собираешься варить? — обескураженный бесцеремонностью Квочки, поинтересовался Карл, при-

нюхиваясь к быстро закипевшей воде. — Яд? Взрывчатую воду?!

— Чай с барбарисом! — отрезала Квочка, сыпля в варево сахар. — Ну, поменьше болтовни! Кипяти медленнее, каменная твоя башка! Не то ягоды раскиснут.

— Я прибыл, как только смог, — ясно улыбаясь, доброжелательно произнес Шелкопряд, грея ладони о предложенную ему кружку с ароматным чаем. — Одновременно с письмом от попечительского совета не успел…

— Ах, вы спасли Аннет! — всхлипнула, расчувствовавшись, Квочка, промокая набежавшую слезу краешком фартука. — Но кто теперь спасет вас, мастер Шелкопряд? Лес полон дымных теней. Они будут сторожить вас ночью. Как же неосмотрительно вы прибыли один!

— Я вовсе не один. Я с Карлом, а это дорогого стоит. Значит, в ночь не поедем, — решительно ответил Шелкопряд. — Поедем рано утром, с первыми лучами солнца. Называйте меня Кит, мадам Жюстин. Не нужно так официально звать меня Шелкопрядом.

Он обворожительно улыбнулся Квочке, которая, к великому удивлению Аннет, носила красивое имя Жюстин, и та заалела, потупила глазки, ловко спрятав натруженные руки под передник.

— Ах, мастер Кит, — игриво произнесла она, кокетливо поглядывая на молодого мага. — Какой вы, однако, ловкий дамский угодник! Мадам, скажете тоже! Хи— хи— хи! На-

верное, многим девицам кружили головы, а?

Кит ослепительно улыбнулся, так, что помалкивающая Аннет едва не поперхнулась своим чаем.

— Нет, — тихо произнес, все так же улыбаясь. — Вовсе нет.

В эти его скромные слова Аннет отчего— то поверила. При всей своей красоте Кит Шелкопряд не походил на волочащегося за каждой юбкой. Наоборот; в его глазах была тень грусти, и от этого сердце его казалось напертым на замок.

— Долго еще варить? — подал голос недовольный Карл, и Квочка, тотчас став суровой, без разговоров треснула его по лбу деревянной ложкой.

— Не болтай! От этого чай станет кислым! — строго одернула она Карла. — Все готово почти. Ну, так что велите нам делать, мастер Шел… мастер Кит, я хотела сказать.

— Карл крепко пугнул этого Рыбоглаза, — небрежно заметил Кит. — Он не посмеет сюда сунуться. А вот в лесу может попробовать напасть.

— Нападет, как пить дать! — поддакнула Квочка.

— Поэтом встретит нас мой хороший друг, — подытожил Кит. — У него ни один лесной дух не пройдет без спроса!

***

Хоть и было решено выезжать рано утром, поспать Аннет никто не предлагал. Наоборот; Квочка скорее разбудила парочку помощников порасторопнее и организовала для Аннет ванну.

— Вот и славно, вот и хорошо, — бормотала она, распаренная, раскрасневшаяся, приспосабливая под это дело огромную новую кадушку. Изнутри Квочка выстлала ее белой простыней, а потом налила туда горячей воды. — Сейчас отмоем тебя, моя звездочка, чтоб дух сиротского приюта отстал!

Карл по— прежнему стоял на печи и в нем кипятился отвар душистых трав, которые Квочка доливала в кадушку.

— Это от ломоты в суставах, — бормотала Квочка, кидая сушеные листья в бурлящий белыми пузырями кипяток. — Это от неудач… а это от злого взгляда!

Кадушку она со всех сторон загородила простынями, развешав их на веревках, чем очень огорчила Карла.

— Эй! — воскликнул он, когда прямо перед ним повисла крепкая, плотная простынь. — А как же техника безопасности?! Как ты понесешь кипяток? Запутаешься и прольешь себе на ноги! Требую убрать!

— Негоже за юной девушкой подсматривать! — сурово прикрикнула на него Квочка, треснув Карла деревянной ложкой по лбу. — Бесстыдник!

— Да какое ж подсматривать, — наивно попытался выкрутиться Карл. — Я же всего лишь котел. Вы же не прячете девиц от кружек и от ковшей… ай!

Квочка еще раз треснула его ложкой и сурово погрозила ему пальцем.

— Каменный великан ты, — вредным голосом произнес-

ла она, развеивая надежды Карла напоблюдать за купанием. — И притом очень хитрый. Так что давай, отворачивайся! Спасибо, что напомнил, что я туда— сюда с ковшом бегать буду! Ну, живее!

Карл с тяжелым вздохом подчинился, и Квочка для надежности рядом с его затылком поставила глиняный кувшин, чтоб негодник— Карл не вздумал обернуться и подсмотреть.

В маленькую купальню, образованную развешанными простынями, она привела Аннет, немного оробевшую и смущенную таким быстрым развитием событий, и помогла ей избавиться от нехитрой одежды.

— Вот так, — радостно ворковала Квочка, помогая девушке влезть в теплую воду. — Сейчас намою тебя, звездочка моя, и будешь ты чистая— чистая, как в день рождения. А это, считай, и есть твой второй день рождения! Поедешь подальше отсюда, выучишься, станешь важной госпожой!

Квочка всхлипнула, промокнула увлажнившиеся глаза краешком фартука, но почти тотчас же взяла себя в руки и шустро сгребла вещи Аннет в охапку.

Раскрыв печь, она швырнула туда старую одежду девушки, и Аннет вскрикнула от неожиданности.

— А в чем же…

— Не переживай, звездочка моя, — ворковала Квочка, запихивая подальше в жаркое нутро печи вспыхнувшие башмаки Аннет. — Господин Шелкопряд привез с собой тебе

в подарок целый сундук новых вещичек! Все с иголочки, все красивые, ну что новогодние костюмы! Ах, какое белье! Нежнее, чем облако над речкой в марте! А платьица?! Сама королева, наверное, не носит такой красоты! И ленты, и ботиночки — загляденье!

— А если оно не подойдет? — беспокоилась Аннет. — Будет мало, или велико?

— Не думаю, — беспечно отозвалась Квочка, ловко откинул угол простыни, защищающей девушку от нескромного взгляда Карла, который ворочался на печи, стараясь незаметно повернуться лицом к купальне. — Мастер Кит, верно, умелый дамский угодник, знает толк в нарядах! Но если что — то не подойдет, все всегда можно исправить и подогнать магией!

Карл, хитрец, потихоньку подпрыгивая, почти полностью повернулся, но Квочка заметила это и, бесцеремонно ухватив его за уши, поставила снова лицом к печной трубе, вызвав у котла недовольный возглас, полный досады.

— Да там жарко, — канючил он. — И пахнет сажей! У меня все лицо горячее, распаренное, щеки покраснели! Задыхаюсь!

— Ничего, потерпишь, — безапеляционно произнесла Квочка.

Она развернула один сверток из шелковой бумаги, и оттуда достала кусок душистого розового мыла и красивую расческу из черепашьего панциря.

— Ах, какие интересные вещички! — восторгалась она. — Что за дивный запах! Мастер Кит знает толк в том, что нужно приличной девушке, чтобы чувствовать себя комфортно!

— Это он привез? — удивилась Аннет, пока Квочка намыливала ее золотые волосы.

— А кто ж еще? Он, конечно. Наше— то мыло, сама знаешь, пахнет едко, да и глаза жжет. Им только лошадей отмывать! А от этого розового мыльца твои волосы ну чистый шелк! И блестят как! Ох, уж эта жадность мастера Джона! Ну, ничего. Мастер Шелкопряд обещал передать наши жалобы куда надо, так что, думаю, скоро заживем!

— Передать, — повторила Аннет, послушно зажмурив глаза, когда Квочка окатила ее голову теплой водой, смывая мыльную пену.

От обещания Кита Шелкопряда Аннет стало не по себе.

«То, что Рыбоглаз хотел на мне жениться без моего согласия, это, по сути, ерунда. За это его не наказали б слишком строго. А вот за то, что он на нас экономит, складывая денежки в карман, его по головке точно не погладят, — размышляла Аннет, пока Квочка натирала вехоткой ее плечи. — Как пить дать, его за это могут хорошенько прижать… А значит, спастись он может захотеть. И тогда… ох, зачем мастер Шелкопряд его надразнил, зачем угрожал! Конечно, теперь по лесу будет ехать опасно!»

Наверное, ее нехитрые мысли отразились на ее личике, и

Квочка это заметила.

— Ну что, — заворковала она. — Что, что такое? Отчего ты побледнела, ягодка моя? Чего так испугалась?

— Ехать через лес опасно, — шепнула Аннет, обхватив себя руками за плечи, будто ей было зябко в горячей воде. — Ах, как я теперь боюсь за мастера Кита!.. Рыбоглаз очень разозлился. Зачем было его дразнить и злить?

— Что значит зачем? — возмутился Карл, одним прыжком оборачиваясь к импровизированной купальне. — Ему непременно надо было надавать тумаков! Да посильнее! Неужто бояться и помалкивать? Нет уж, мисс, это не для настоящих мужчин! Мужчины не пасуют перед негодяями! Жизнь настоящих мужчин полна опасностей! Каждый день мы рискуем жизнью, не задумываясь!

— А если б ты задумывался, твое тело до сих пор было бы при тебе, — отрезала Квочка и снова ловко отвернула Карла к трубе, ухватив его за уши.

— Эй! — сердито воскликнул он. Но Квочка уже не обращала на него внимания.

— В самом деле, цветочек мой, — ворковала Квочка. — Чего тебе переживать? Мастер Кит выглядит опытным магом, уверенным в себе. Не думаю, что он боится мастера Джона и в чем— то ему уступит. Вовсе нет. Он же обучается в самой лучшей академии!

— А еще у нас есть охрана, — бубнил рассерженный Карл. — Боевые демоны, во как! Они прибудут с минуты на мину-

ту! Мы важные персоны, нас так просто, голыми руками, не возьмешь!

В дверь деликатно постучали, и хлопочущая Квочка, отерев распаренные руки полотенцем, ринулась открывать.

— Мастер Кит, ну и ну! — удивилась она, когда на пороге появился юный опекун Аннет. — Вот же вы безобразник! Я — то думала, это принесли новую одежду для Аннет! А это вы! Ох, и затейник вы!

Аннет, увидев молодого человека меж простынями, которые Квочка позабыла вернуть на место, ойкнула и скорее скользнула под воду, покраснев до самых ушей. Кит, кинув на не быстрый взгляд, тоже покраснел и глаза опустил. Но вида не подал, что что— то не так.

Аннет утешала себя мыслью, что многого молодой человек не успел увидеть. Ну, разве что шею и голые плечи… Склонив лицо как можно ниже к воде, Аннет изо всех сил старалась припомнить, прикрывала ли она грудь руками, когда он вошел, или нет.

«Кажется, прикрывала, — делая вид, что румянец на ее щеках это от горячего пара, думала Аннет, тайком рассматривая смущенного молодого человека, у которого на скулах тоже расцветали алые пятна. — Ведь если нет… ой! Тогда он пересчитал все родинки у меня под грудью! А он, судя по его смущенному лицу, пересчитал…»

Кит и в самом деле выглядел очень смущенным. Лицо его, хоть и казалось невозмутимым, но нет— нет, да загоралось

румянцем и на краткие мгновения делалось восхищенным, словно молодой человек увидел нечто настолько прекрасное, что у него нет слов описать это.

И сил забыть и отпустить это из своих мыслей тоже нет.

Глаза его из— под опущенных черных ресниц нет— нет, да поблескивали, невольно пытаясь снова глянуть и рассмотреть получше увиденное.

«Ох уж эти молодые люди!» — в панике думала Аннет, совершенно выбитая из колеи и взволнованная внезапным вниманием своего молодого опекуна.

— Я кое— что забыл передать, — спокойно и уверенно произнес Кит, все так же пряча взгляд. — Точнее, не доверил слугам.

— И что? — уперев руки в боки, грозно и строго проквохтала Квочка. — Неужто это не подождало бы?

— Нет, — не спасовав и не уступив грозной хозяйке кухни, ответил Кит. — Я принес мисс Аннет ключ. Ее первый ключ, который будет ее охранять и на котором она будет учиться овладевать магией. Его лучше надеть прямо сейчас, до путешествия.

К Квочке, снующей вокруг Аннет, Кит протянул руку, в которой была зажата новенькая золотая цепочка, очень светлая и блестящая, совсем как волосы Аннет. Так что если смотреть издалека, то ее запросто можно было принять за прядку, выбившуюся из прически.

На этой цепочке висел маленький красивый ключик, тоже

новый, недавно изготовленный мастером. Его украшали резные листья из светлого металла и капельки туманных лунных камней.

— Ключ! — воскликнула Аннет, от радости и волнения позабыв о жгучем стыде. Она подскочила, почти по пояс вынырнув из кадушки, и Кит — вот же пройдоха! — все же успел кинуть быстрый, любопытный взгляд на девушку, чем снова вогнал ее в краску.

— Ой! — пискнула она и снова шлепнулась в воду.

— Эй! — раздосадовано крикнул хитрый Карл, которого Квочка снова ухватила за уши и решительно отвернула от Аннет лицом к трубе. — Ему можно смотреть, а мне нет, что ли?!

— Никому нельзя! — отрезала Квочка решительно. — И мастер Кит не подсматривает! Он приличный молодой человек!

«Приличный— то он приличный, — погибая от стыда, думала Аннет, — но подсматривает еще как! Вон как глаза сверкают! Ох, и шустрый он малый, да и пройдоха добрый, судя по всему, хоть и делает изо всех сил вид, что важный господин!»

Но вслух Аннет ничего такого не сказала, разумеется.

— Но я совсем не умею пользоваться ключом, — смущенно ответила она. — Никогда в руках не держала!

— Мой отец… гхм… он преподает искусство владения ключом, — произнес Кит. — И базовые навыки я смогу вам

преподать… Извините!

Он отчего— то быстро раскланялся и поспешил выскочить за дверь.

«Ох, — подумала Аннет, покуда Квочка застегивала на ее шейке золотой замочек цепочки. — Неужто что— то рассмотрел как следует?!»

Глава 3. Первая опасность

Остаток ночи Аннет провела в своей кроватке, но спала она на новом белье, в новой тонкой ночной рубашке, под атласным алым одеялом, тёплым, набитым гусиным пухом и стеганном.

Укладываясь, расправляя складки своего ночного одеяния, словно полы нового платья, она волновалась, что не сможет заснуть, взволнованная. Но отвары Квочки подействовали на нее волшебным образом. Аннет уснула тотчас, как устроилась в теплом гнездышке под новым одеялком. Закрыла глаза — и в следующий миг распахнула их, удивленная.

— Вставай, звездочка моя, — ласково шептала Квочка, осторожно касаясь ее плеча. — Скоро рассвет. Оденешься — и в путь!

У Квочки глаза были на мокром месте, но она улыбалась, радуясь, что ее любимая воспитанница идет в новую, хорошую жизнь.

— Ах, если б ты могла поехать со мной! — прошептала Аннет, пылко и крепко обнимая Квочку в горячем порыве. Волнение, отступившее с вечера, сейчас снова принялось за ее сердечко с прежней силой, девушка просто с ума сходила, предвкушая и путешествие, и новые места, что ей предстояло увидеть и посетить.

— А как же приют? — весело спросила Квочка. — Как же мои цыплятки без меня? Мастер Джон вряд ли вернется к своим обязанностям; сюда наедут люди из попечительского совета проверять его дела… И вряд ли он сможет отчитаться перед ними! Так что я тут за главную остаюсь, пока не придумают, что с нами делать. Но ты не переживай и не тоскуй; я всегда буду с тобой! Всегда!

С этими словами Квочка отстранила от себя девушку и аккуратно приколола ей на ворот ее сорочки совсем небольшую золоченую булавку с красным камешком.

— Я берегла ее долго, — задумчиво произнесла Квочка, огрубевшими натруженными пальцами разглаживая белоснежную ткань, сколотую ее прощальным подарком. — Она сильная, эта вещица. По— настоящему сильная. Если тебе будет тяжело… ну, знаешь, если выхода другого не будет… Она тебе поможет. Непременно! Только не трать ее волшебство напрасно, на всякие мелочи. Оно ведь не бесконечно! Только тогда, когда действительно нужно. Дело жизни и смерти. Да что я тебя учу! Ты ведь умненькая; сама разберешься!

— Спасибо, моя любимая, моя добрая Квочка! — шепнула девушка, смахнув горячую слезу, щекочущую нос.

Квочка ловко и быстро помогла Аннет надеть новые вещи. Красивое длинное платье с корсетом, модное, из темного бархата, расшитого серебристыми мотыльками по подолу; крепкие новые чулки и прелестные изящные ботинки из

сияющей новой кожи, с шелковыми крепкими шнурками. А поверх этого всего светлое кремовое пальто как у важной барышни, опушенное серебристым мехом, и чудесная шляпка с длинными пестрыми перьями на голову.

— Ах, ну и красавица же ты! — приговаривала Квочка, распаковывая новешенькие перчатки и сумочку на длинном ремешке, чтоб носить ее через плечо. — Ох, и модница! И ленты, и кружева, и шелк! Ах, как все тебе к лицу! Вот мастер Кит расстарался! Сделал такие нужные подарки!

— А сам он где? — тихонько произнесла Аннет, рассматривая себя в зеркало.

Вместо приютского заморыша на нее смотрела важная и красивая девица с тонкой талией, подчеркнутой кроем пальто, с гордой прямой спиной, с роскошной шляпкой на золотых волосах, и с чуточку испуганными голубыми глазами под черной сетчатой вуалью.

— Видимо, тоже собирается, — ответила Квочка. — Такой непритязательный господин! Лег спать на кухне, возле печки, на своем плаще, постеленном поверх соломы! Не пожелал никого тревожить, ничью постельку не отнял… Да и спал ли? Думаю, всю ночь проболтал с этим, с каменным истуканом. Тот еще хитрец этот Карл! И чересчур живенький, как по мне, для каменной головы— то. Ну, готова? Вот чемоданчик, — Квочка выложила на постель Аннет маленький, новенький коричневый блестящий чемодан, пахнущий горько, как вишневая косточка. — Можешь туда собрать все

свои вещички, что хотела б с собой взять.

Аннет оглядела общую спальню, полную сонного дыхания. Было еще слишком рано, так что никто из воспитанников не провожал ее. А это было немного жаль…

И что в этой спальне было такого, что она могла б взять с собой?

Из— под подушки она вынула свои нехитрые сокровища, старую тряпичную куклу, крохотную деревянную шкатулку с разными мелочами и книжку про волшебные приключения.

Квочка хотела было собрать новое одеяло, но Аннет остановила ее:

— Нет! Одеяло себе оставь… Отдай его маленькому Петеру, он мерзнет.

…У дверей приюта ее уже ждал экипаж, запряженный бодрой, сильной лошадкой с сильными мохнатыми ногами. Несмотря на то, что небо все еще было темным, рассвет лишь обозначится светлой розоватой полоской у самого горизонта, лошадка уже била копытом, рвалась в путь.

Сам экипаж был на удивление маленьким, легким и скромным, словно какая— то почтовая карета для доставки срочных мелочей. И над местом кучера, поскрипывая не ветру, болталась пара фонарей, чтоб освещать лес и путь.

Конечно, карета была добротной, чистенькой и крепкой, но очень, очень маленькой, словно в ней путешествовать должна была Дюймовочка.

«У такого важного господина такая крохотная карета, —

удивилась Аннет, рассматривая экипаж. — Скворечник на колесах! Интересно, как он ехал сюда? Сжимая коленками уши и упираясь макушкой в крышу? А оба?! Поместимся ли мы туда оба? Нет, я решительно отказываюсь сидеть у него на коленях! Лучше уж рядом с кучером!»

Но на козлах Аннет с удивлением заметила… каменный котел! Того самого Карла, что собирался подсматривать за ней! Вожжи были навязаны на его уши, а из— под его днища торчал длинный хлыст с кисточкой.

«Час от часу не легче! — сердито подумала Аннет, когда котел широко и приветливо улыбнулся, показывая в улыбке все свои острые зубы. — Сговорились они, что ли?! Но с этим я знаю, как управиться! Схвачу его за уши и разверну, если вдруг вздумает приставать».

Кит, чуть нахохлившийся, как воробей, продрогший на холодном ветру, стоял и ожидал Аннет.

— А это безопасно? — удивленно произнесла она, кивнув на Карла.

— Совершенно безопасно, — беспечно ответил Кит. — Карл самый искусный кучер, лучше него еще стоит поискать! Ну, в путь?

— А мы поместимся… — заикнулась было Аннет, но Кит распахнул перед ней дверцу кареты, и все сразу встало на свои места.

Внутри карета была намного больше, чем снаружи. Большая, почти как спальня важной дамы, с удобными сиденья-

ми, оббитыми алым бархатом, с алыми занавесками с кистями. На каждое сидение при желании можно было прилечь. На полу, под ногами, был постелен мягкий и теплый ковер, чтоб не замерзли ноги.

— Вот это да! — ахнула Аннет, когда Кит впрыгнул в карету следом за ней и захлопнул дверцу. — А снаружи… Она кажется совсем крохотной, просто коробочка на колесах!

— Местным разбойникам не нужно давать повода захотеть нас ограбить, — весело ответил Кит, устраиваясь напротив Аннет и снимая перчатки с озябших рук. — А коробочку шустрая лошадка унесет от погони быстрее, чем роскошный экипаж. Не желаете ли горячего какао?

Стоило только за Китом захлопнуться дверце, как кучер— Карл оглушительно свистнул, в воздухе звонко щелкнул кнут, и лошадка рванула со всех ног, увлекая повозку по дороге, уходящей в лес.

Надо отметить, что ход у волшебной кареты Кита был на удивление плавный. Карету лишь мягко покачивало и совсем не трясло. Было ужасно уютно и тепло внутри, и Аннет с удовольствием облокотилась на подушечки, устаиваясь поудобнее.

Кит откинул широкий подлокотник своего сидения и под ним оказался ящик, наполненный всякой всячиной, конфетами, пряниками и прочими сладостями. А в отдельном отсеке стояла пара стеклянных бутылочек с горячим напитком.

— Придется завтракать на ходу, — пояснил Кит, протяги-

вая Аннет бутылочку с какао, — в нашем положении нельзя было терять ни минуты.

— Неужто Рыбоглаз так опасен? — удивилась Аннет.

— Как, как? Рыбоглаз? — рассмеялся Кит. — А что, похож… Да, к сожалению. Опасен. Лесные духи очень опасные существа. И мстительные.

— Кому ж в голову пришло обучать людей тем профессиям, что делают их опасными? — возмутилась Аннет.

— Но ведь и собаки, охраняющие двор, опасны, — напомнил Кит. — Однако, у вас нет ни единого вопроса по поводу того, зачем их заводят. Лесные духи должны были охранять лес. От разбойников, от беглых преступников. Но что— то пошло не так, и они стали сами по себе ничуть не лучше тех, от кого должны были защищать. Факультет распустили, не доучив толком. Кто— то из лесных духов пошел переучиваться, а кто— то нет…

Внезапно карету, которая до этого скользила по лесной дороге как лодочка по гладкому озеру, потряс удар, да такой сильный, что Аннет едва не выпустила из рук свой какао. Кит глянул вверх; кажется, это кто— то большой и тяжелый спрыгнул на крышу и теперь рвал ее стальными когтями.

— О, ужас! — воскликнула Аннет. — Нас догнали!

Кит, однако ж, не терял самообладания.

— Спокойнее, — хладнокровно произнес он, и в руке его блеснул ключ. — Где ваше оружие?

— Оружие? — переспросила Аннет дрожащим голосом.

— Ключ, — пояснил Кит, глазами отслеживая передвижение неизвестного на крыше кареты. — Он ведь при вас?

Ключ был с Аннет; она не снимала его со вчерашнего дня, с тех самых пор, как Квочка надела ей на шею цепочку с ним.

— Доставайте, — велел Кит.

— Но я не умею им пользоваться!.. — в панике воскликнула Аннет.

— Доставайте!

Карл оглушительно свистел, кнут его щелкал все злее и все чаще. Мельком глянув за окно, Аннет увидела, что рассветные лучи спрятались за вершинами деревьев и за внезапно наползшим на небо тучами. Оттого стало темно — и оттого лесные духи стали смелее и наглее.

Карета мчалась неимоверно быстро; щелкающий кнут разрывал тишину, и были слышны вскрики боли — то отважный кучер отбивался от нападающих, рассекая их дымные туши.

А скрежет на крыше продолжался. Кто— то скреб и грыз, рвал и терзал, пока не процарапал самую крохотную дырочку.

И в нее, как вода, проточившая камень, на сидение рядом с Китом вдруг капнуло большое черное облако дыма.

— Ха— ха— ха— ха! — загрохотало в карете, и дымная огромная капля обернулась Рыбоглазом. — Думали, удерете от меня?!

Кит молча и зловеще щелкнул своим ключом, но белая

вспышка ударилась о пустое место, ровно там, где миг назад сидел Рыбоглаз. Сам же Рыбоглаз оказался рядом с Аннет, и она оглушительно завизжала, обернувшись и встретившись глазами с его ненавидящим взглядом.

— И не думайте, что вам сойдет с рук ваша наглость!

Кит, все так же молча, снова щелкнул ключом, но белая вспышка магии снова опоздала, и Рыбоглаз с хохотом оказался рядом с Китом, увернувшись от его выстрела.

— Ну, ну, докторишка, — издеваясь над тем, как Кит безуспешно пытается поймать его, прохохотал Рыбоглаз, — попытаешься еще?!

— Ты посмотри, какой приставучий! — сердито выкрикнула Аннет.

Ключ свой после долгих лихорадочных поисков под одеждой она нашла, но что в нем толку, если даже Кит не может попасть по верткому врагу?! Значит, у нее и вовсе нет шансов. Еще и ранить Кита можно… а вот какао в бутылке, горячий, такой, что даже сквозь перчатки руки жжет — вот он.

И Аннет, недолго думая, зло метнула бутылку в Рыбоглаза, метя ему прямо в лоб.

— Бац! — бутылка с глухим ударом достигла цели, и Рыбоглаз почему— то сразу перестал смеяться.

Крышечка отскочила, и горячий какао хлынул вниз, на грудь, на пузо и на колени Рыбоглазу.

— Уа— а— а— ай! — завизжал Рыбоглаз мерзким тонким голосом, колотя ладонями по обожженным ляжкам.

Глаза его полезли на лоб, лицо побагровело. Завывая, как чокнутое привидение, Рыбоглаз, рыдая, задрал рыло кверху, обернулся в черный дым, и его высосало через поврежденную крышу вон.

— Отличный бросок! — выдохнул Кит.

— Но ваши чудесные ковры и обивка! Они испорчены! — в ответ выкрикнула Аннет, страдая.

— Вычистим, — кратко бросил Кит. — Вы разрешите?

Опустевшая бутылка каталась у ног Аннет, и Кит, не дождавшись разрешения, тигром ринулся и ухватил ее. Для этого ему пришлось откинуть юбку Аннет, задрать ее едва ли не до колен, и девушка оглушительно взвизгнула, когда ее чулки, подвязки и штанишки стали достоянием общественности в лице Кита.

— Красивые ноги, — бессовестно бросил Кит, усмехнувшись, и прыжком взобрался с ногами на сидение.

Одним точным движением он приставил бутылку к прогрызенной в потолке дырке, и вовремя: еще один дымный дух попытался проникнуть в карету, и каплей просочился через отверстие. Но угодил прямо в бутылку, где и был заперт. И выкинут прочь на полном ходу, в приоткрытую дверцу.

Карета мчалась по дороге с такой скоростью, которая не снилась ни одной лошади, кнут свистел все злее, разгоняя врагов, и тряска, которой раньше было совсем незаметно, теперь толкала Аннет и Кита так, что они не могли ровно уси-

деть на месте.

Кит, переводя дух, шлепнулся на сидение — и тотчас подскочил, потому что рядом с ним материализовался некий господин, с худым и длинным лицом, носатый, бледный, с черными, как угли, глазами. Одет он был в черное, лишь галстук был огненно— алым.

Неизвестный сидел, опираясь на трость обеими руками, и сверлил недобрым взглядом обоих путников.

— Ну, ну, — неодобрительно произнес он, молниеносно ткнув Кита в грудь острым наконечником своей трости, — Давайте без глупостей, мастер Ветрогон.

— Мое имя не Ветрогон! — пропыхтел Кит. Неизвестный усмехнулся, отчего его угловатое лицо с резким чертами все перекосилось, и нажал сильнее, показывая, что в любой момент может пронзить Кита остро отточенным металлом.

— Вы, конечно, носите теперь иную фамилию, уважаемую и пышную. И одежда у вас теперь красивая, дорогая. Но в душе вы все тот же голодранец, каким и были, — издеваясь, произнес неизвестный. — Впрочем, не буду настаивать. Шелкопряд так Шелкопряд. Извольте поговорить, господин Шелкопряд?

***

Кит откинулся на сидение, сложил руки на груди и улыбнулся… неприятно так улыбнулся, как мошенник, которого раскрыли. От улыбки молодого человека, которого еще пять минут Аннет считала милым, добрым, мягким, ей сделалось

не по себе.

— Валяйте, — развязным тоном велел он — нет, не согласился, а именно велел! — усевшись вольготно, закинув ногу на ногу. — Болтайте, чего у вас там, господин Барбарис.

— Вы знакомы?! — воскликнула изумленная Аннет, во все глаза таращась на неприятного незваного визитера.

Кит снова небрежно усмехнулся. На его красивом лице на миг выписалось такое опасное, такое циничное выражение, что Аннет задрожала. В голове ее промелькнула мысль о том, что ее похитила банда негодяев и не поделила, вот поэтому и погоня, вот поэтому и…

Впрочем, что значит похитила банда? Кого? Ее, Аннет, сироту?! Зачем?

— Конечно, знаком, — небрежно ответил Кит, все так же весело глядя в лицо желчного господина яркими веселыми глазами. — Барбарис в свое время был мне словно родной папа! Да что там папа — не всякая мама потягалась бы с ним в заботливости и внимании!

Тот, кого Кит назвал Барбарисом, скривился и пожевал тонкими губами, молча снося язвительные шутки Кита.

— Я же известен миру как знаменитый Кит Ветрогон, — продолжил Кит, посмеиваясь.

— Ветрогон? — зачем— то уточнила сбитая с толку Аннет, совершенно не понимая, что вообще происходит. — Это отчего?

— Это оттого, — вкрадчиво произнес Кит, чуть наклоня-

ясь к ней и протягивая ей что— то на раскрытой ладони, — что после меня в карманах у зажиточных бюргеров ветер гулял!

На его ладони изумленная Аннет увидела подарок Квочки, булавку, поблескивающую позолотой. Ту самую булавку, что Квочка прикрепила к ее ночной сорочке! Откололась, упала? Да это вряд ли, замочек очень надежный! Значит… этот пройдоха Кит забрался к ней, к Аннет, за пазуху своими ловкими руками, а она и не заметила?! И когда? И что он там делал, только отстегнул булавку, или что— нибудь потрогал?!

Прямо руками?!

Прямо пощупал?!

Вот стыд— то!

— Как вы ее раздобыли?! — изумилась Аннет. Булавка поблескивала алым камешком, и девушке показалось, что он мигнул, грозно налившись тьмой. Аннет схватила булавку и зажала ее в ладони крепко— крепко. Но ей все равно казалось, что Кит способен выудить ее даже меж стиснутых пальцев!

— Самые ловкие руки королевства, — все так же неприятно, шокирующе посмеиваясь, ответил Кит. — Я приносил много, очень много денежек в общий котел, на радость этому господину.

— И котел варил для тебя сладкую кашку, — желчно напомнил Барбарис.

— Но не платил за меня академии, — парировал Кит, становясь серьезным. — В тот день, когда я захотел идти учиться и кем— то стать, котел для меня перестал существовать. Вы накрыли его железной крышкой от меня, господин Барбарис, чтобы я не лез больше туда своей ложкой. И я завязал. С вами, с воровским прошлым. Я больше не ваш, Барбарис. И ничего вам не должен. Отступные я вам заплатил сполна. И у меня есть магически заверенная бумага, прерывающая контракт между мной и твоей шайкой, подписанная тобой же. Так что сейчас ты мне ничего не сделаешь, дружок.

Его голос стал грубым и угрожающим, Кит перестал весело улыбаться и паясничать, и Аннет невольно замерла, предвкушая крупную драку.

Тощее, угловатое лицо Барбариса нервно задергалось, словно от злости его хватил удар.

— Если б я знал, что ты так легко их раздобудешь, — прошипел он злобно, — я бы запросил больше!

— Барбарис, Барбарис, — рассмеялся Кит снова, — вот поэтому ты никогда и не станешь кем— то большим, чем просто предводитель шайки воров! Из— за своей жадности. Я же говорил, что смогу варить золото в неограниченных количествах, если ты поможешь мне выучиться. Но нет; ты не поверил. Что ж, ты сам себе роешь яму.

— А кто б оплачивал тебе лабораторию? — огрызнулся Барбарис, чтобы как— то оправдать свою недальновидность. — Реактивы? Учебу? Ты хотел ходить с чистыми ручками,

а за тебя должны были бы работать другие?! Да и гарантий, что у тебя все получится, не было!

— Я потомственный маг с большим потенциалом, — грубо ответил Кит. — И ты всегда это знал. Твое недоверие это плод зависти. Ну не будем об этом. Какого черта ты сейчас явился? Что теперь тебе нужно от меня?

Карета все так же бодро мчалась по лесной дороге, мягко покачиваясь, и о том, что за ее стенками происходила большая драка, напоминал только яростно взвизгивающий хлыст Карла да вопли раненных. Кто— то завопил во всю глотку, словно ему отгрызали руку, да, вероятно, так и было, с любовью— то Карла лопать что попало.

Барбарис прислушался к этому крику, полному боли, и мысленно распрощался с вором, потерявшим кисть и свои ловкие пальцы. На его лице снова появилась вежливая, сладкая улыбочка, он крепче сжал рукоять трости.

— Девчонка, — без обиняков проговорил Барбарис, коротко и страшно кивнув на Аннет. — Нам нужна она.

— Я?! — испуганно вскрикнула Аннет, и тут же рассердилась. — Да я вам что, вещь какая— то?!

Барбарис недобро покосился на нее.

— Нет, — жестко ответил Кит, как отрезал. — Ее вы не получите.

— Кит, мальчик мой, — как можно мягче произнес Барбарис. — Ты, кажется, не понимаешь. Она наша; она давно наша! Джон приглядывал за ней, одевал, обувал, кормил,

учил… Это стоит много, много денег!

— Не ври, Барбарис, — небрежно ответил Кит. — Это не стоило вам ничего, девица из богатой семьи и платит за себя сама. Неужто Рыбоглаз и тебя обворовывал? Аха— ха— ха, ты самый неудачливый вор, в таком случае!

Барбарис зашипел, как масло на раскаленной сковороде.

— Кит, мальчик мой! — так же сладко и мягко продолжил Барбарис. — Ну, хорошо. Это не стоило нам ничего. Ты прав, я соврал. Но девчонка наша. Отдай нам ее. Джон должен был на ней жениться и повязать ее навечно с нашей… организацией. Вот и все наши планы. Ты потратился на подарки для нее? Я готов тебе возместить. Но девочку придется отдать.

— Ты так и остался все тем же ничтожеством, Барбарис, — грубо выдохнул Кит. — Я же сказал — нет. И не клянчи; я все равно ее не отдам!

Барбарис промолчал; но в следующий же миг карету сильно тряхнуло, и он черной каплей густого дыма кинулся на Кита и обволок юного мага плотным коконом.

Кит, вероятно, воспользовался ключом, потому что кокон изнутри осветился белой вспышкой, и раздался вой раненного. Но черный дым не отстал от Кита; и тогда ладонь Аннет обожгло, сильно— сильно кольнуло, и она вспомнила о булавке.

«Квочка велела пользоваться ею только в крайних случаях!» — только и успела подумать Аннет. Но решение, на-

верное, было принято; и булавке дважды приказывать не пришлось. Из крохотной и незаметной она превратилась в огромную, как хорошие портняжные ножницы.

— Что мне делать?! — выкрикнула Аннет, сжимая булавку. — Я не умею ею пользоваться! Что делать?!

Кит не ответил ей; он катался по сидению, разрывая руками клочья черного дыма, словно путы, словно длинные черные волосы, и, кажется, был не настроен на беседу.

И тогда Аннет не нашла ничего умнее, как вонзить острие булавки в самую черную тьму, окутывающую Кита.

Карету снова тряхнуло, словно в нее угодила молния, Аннет с ее оружием откинуло в угол. Черная мгла от укола со стоном превратилась обратно в Барбариса, и он был серьезно ранен.

Скорчившись, скукожившись, он почти не двигался и держался за проколотый зад, и жалобно завывал, словно его прострелили навылет. Этим и воспользовался Кит. Изловчившись, он, что есть силы, толкнул Барбариса ногами в грудь, и тот скорченным трупиком вывалился в угодливо раскрывшуюся дверцу кареты.

— Наконец— то сообразила! — выдохнул Кит, тяжело дыша, без сил падая на сидение. По велению его ключа дверца кареты захлопнулась, отрезав все звуки грызни. — Быстрее было нельзя? Он же чуть не удушил меня!

— Я не умею этим пользоваться! — огрызнулась Аннет.

— Это же булавка! Что там уметь? Коли! — сердито ото-

звался Кит. — Я думал, ты додумаешься раньше! Зря я, что ли, тебе ее дал?

— Не дал, а стащил! — вспыхнула от стыда Аннет. — Ты залез ко мне за пазуху!

— Я просто открепил булавку.

— Тайком!

—…просто ее открепил!

— Ты трогал меня?!

— Нет!

— Как ты вообще посмел туда полезть?! — возмущалась Аннет. — Я же девушка, а ты ухватил меня за грудь!

— Тебе этого хотелось бы? Ты что— то часто повторяешь об этом. Я не хватал; но прямо сейчас готов все исправить. Подставляй. Тебя за какую, за левую или за правую?

— Хам! Нахал!

Но Кит уже не слушал ее.

Он отдернул занавесь и выглядывал в окно, что— то стараясь рассмотреть.

Взмыленная лошадка мчалась со всех ног так быстро, что лесе за окном сливался в одну серую полосу. Карл лупил своим хлыстом налево и направо, рассекая дымные тени, а впереди на лесной тропе, словно рассвет занимался!

Алое— алое солнце будто скатилось в лес и теперь шло навстречу бешено мчащейся карете. Рассветные лучи пронизывали чащу, испепеляя черный дым. Подлесок наполнился стонами и воплями, скрежещущими голосами. Маги, недоб-

рые лесные духи, бежали прочь от света, и Кит с облегчением рассмеялся, поняв, что их охрана, подмога, которую он так ждал, успела вовремя.

Некоторые лесные духи обращались в людей и пытались погасить светило, наставляя на него свои волшебные ключи. Но им это не удалось; в ответ на их магические вспышки из чащи раздались выстрелы, и визжащие молнии заметались меж деревьев, раня нападающих.

Взмыленная лошадка замедлила свой бег. Карл больше не свистел и не щелкал хлыстом, а темнота и холод осеннего утра отступили прочь, когда навстречу, прямо перед самой каретой, из леса выбежал огромный вороной конь, страшный, сильный и дикий.

Он нес всадника, тоже черного, одетого в кожаную одежду, приличествующую любому боевому демону.

Растрепанные волосы всадника стлались по ветру, в поднятой над головой руке, в крепкой хрустальной колбе, плескался жидкий алый пламень, рассветные лучи, собранные магами в самые жаркие дни.

— Нил! — заорал Кит, распахивая дверцу кареты и уже не боясь, что к ним кто— то посторонний влезет. — Как же ты вовремя!

Глава 4. Купить породистого, талантливого мага недорого

— Я всегда вовремя, — важно крикнул в ответ Нил, склоняя вихрастую длинноволосую голову и пряча свою хрустальную колбу в кожаную сумку, висящую у него на боку. — Карл — ты дрался как лев! Лес полон разбитых наголову темных магов!

— Р— р— р! — кровожадно прорычал котел, скаля острые зубы и строя страшные, по его мнению, рожи. — О— о — о, я еще и не на то способен!

— Взять с собой Карла было правильным решением, — подтвердил Кит, улыбаясь до ушей. — Он верный друг и очень надежный страж.

— Но все же основную массу неприятеля я прогнал! — гарцуя на горячем коне и явно рисуясь перед девчонкой, подвел итог Нил. — Смотри, как драпают, с подпаленными задницами!

За недолгое время обучения в академии он еще немного подрос, возмужал, раздался в плечах. У него отросли витые красивые рога, в черты красивого, мятежного лица добавилось еще больше дерзости, в зеленых нахальных глазах сиял вызов.

И теперь, облаченный в боевой наряд, украшенный свет-

лыми металлическими шипами и заклепками, верхом на черном жеребце, Нил выглядел как сам неукротимый дух мщения.

Укрощая коня, раздувающего красные, пышущие ноздри, он с прищуром рассматривал испуганную Аннет, выглядывающую из крохотного окна кареты, и девушка смутилась от пристального внимания демоненка.

— Так это твое сокровище? — с любопытством произнес Нил, ничуть не скрывая своего любопытства. — Это талантливая магия? Что— то не похоже. От нее магией и не пахнет, как будто она не практиковала ее даже на кухне. А можно поближе ее рассмотреть?

И Нил бессовестно усмехнулся, плотоядно облизнувшись.

— И не смотри даже, — строго отрезал Кит, открывая дверцу кареты и выпрыгивая на лесную дорогу. Он включил режим опекуна на полную катушку, и теперь смотрел на красующегося Нила как суровый папочка, отшивающий ухажеров взрослой дочери. Это было так забавно, что Аннет рассмеялась тихонько и зажала рот ладошкой, чтобы Кит не услышал и не обиделся. Или не разозлился еще сильнее. — Ты славно умеешь морочить головы юным девушкам, а это никак не помогает в учебе! И вообще, сдается мне, ты должен быть женат еще с сентября. Как свадьба— то?

На его вопрос Нил лишь фыркнул насмешливо и высокомерно задрал голову.

— Я не создан для семейной жизни, — ответил он бес-

печно.

— Что?! — не поверил своим ушам Кит. — Ты прокатил Беату?! Обманул ее в лучших ожиданиях?!

Зеленые глаза демоненка весело блеснули.

— Вот еще, — напыщенно ответил он. — Разве мог я отказаться от данного слова? Мое слово верное.

— Так как тогда…

— Она сама отказалась, — весело ответил Нил, довольный, что сумел сохранить свободу. — Сбежала. Сказала, что я несерьезен.

— Что! — выкрикнул изумленный Кит. — Ты чудовище, Монтеррей, ты довел влюбленную девушку до того, что она удрала из— под венца!

— Не, — с досадой протянул Нил. — Не из— под венца. От меня. До венца мы не дошли, слава магии.

Перебрасываясь последними новостями, они словно позабыли об Аннет. Нил спешился, и вместе с Китом они ухватили Карла за уши и стащили его на лесную дорогу.

— Ну, — крикнул Кит, отряхивая ладони, — госпожа Аннет, не изволите ли выйти? Дальше мы никуда не поедем.

— Что?! — испуганно вскрикнула Аннет, прекратив смеяться. Страх снова объял ее. Ей опять показалось, что Кит и Нил — это молодые разбойники, которые творят свои темные дела и ее похитили с какими— то корыстными целями. — Как это не поедем? Вы куда меня завезли, мошенники?! Верните обратно, немедленно! Не то я вам… я вас!..

В порыве гнева Аннет все же выпрыгнула из кареты— коробочки и ухватила палку, валяющуюся у дороги. Палка была большая и тяжелая, но Аннет твердо решила огреть ею Кита по спине, если он хоть пальцем ее тронет.

«А потом вернусь в приют, — лихорадочно соображала она, сжимая свое оружие изо всех сил. — Не могли же мы уехать слишком далеко? Да и дорога одна, не заблужусь».

Кит и Нил переглянулись и захохотали на весь лес молодыми, веселыми, громкими голосами.

— Спас девицу, да? — визжал от восторга Нил, сгибаясь от хохота пополам. — Получил благодарность? А— ха— ха — ха, а ты умеешь ухаживать за девушками! Смотри, какое неизгладимое впечатление ты на нее произвел! Она думает, что ты бандит! Сейчас в драку кинется! Ух, дерзкая какая!

— Конечно, бандит, а кто же еще?! Видели бы вы этого Барбариса! Он глава преступной шайки! Он сам так сказал! И господин Шелкопряд раньше в этой шайке состоял! И особо благодарить мне его еще не за что, — холодно рявкнула Аннет, сердито глядя на веселящегося Нила. — Разве что за то, что не позволил выйти за Рыбоглаза. Но сам— то он лучше него, что ли? Завез в чащу лесную, ведет себя как разбойник… Ой!

Крепкая рука подкравшегося незаметно Кита выхватила из рук девушки палку, и Аннет осталась безоружна. Кит, сурово сопя, размахнулся и откинул дубину подальше в кусты, отряхнул ладони.

— Вообще— то, есть за что. И не только за Рыбоглаза, — сказал Кит веско. — А из преступной шайки я ушел давным— давно.

Аннет отпрянула от него.

— Новые перчатки испортили, — неодобрительно заметил он, глядя на Аннет сердито.

У него очень странные глаза, решила Аннет.

Вроде, смешливые, с танцующими искрами смеха, а на дне горькая— горькая грусть. И, глядя в его глаза, Аннет вдруг ощутила укол совести, потому что поняла — своими словами она причинила Киту сильную— сильную боль. Но он не стал смотреть на девушку зло из— за этого; лишь кротко перенес эту порцию несправедливости, став еще немного грустнее.

— Я отработаю, — строптиво брякнула она. Почему— то сейчас ей не хотелось хоть чем— то быть обязанной Киту. Может, оттого, что она испытывала неловкость перед ним за свою резкость.

Он усмехнулся:

— Долго работать придется! Но я запомню. Теперь вы мне должны — раз уж добрые отношения вас чем— то не устраивают, — официально и сухо произнес Кит, — и я строго спрошу с вас за каждый потраченный грош.

— Можете оставить свои гроши себе! — так же строптиво выкрикнула Аннет. — Не вы ли говорили, что я богата? Сама могу за себя платить!

— Не можете, — огрызнулся Кит. — Вам восемнадцати нет, и мужа тоже нет, который мог бы распоряжаться вашим деньгами! Так что вы теперь на полном иждивении у меня на шее!

— Я об этом не просила! И вообще, если вам так дорога ваша нежная шея, можете меня обратно вернуть!

— Рыбоглазу? Замуж? Все— таки разглядели в нем привлекательного кавалера? — рассмеялся Кит. — Это можно! Позвать его сюда? Держу пари, Барбарис ему треплет уши где— нибудь на опушке.

Нил, наблюдая размолвку между молодым опекуном и его подопечной, только щурил наглые глаза да хихикал.

— Не переживайте, барышня, — произнес он гадким голосом, явно подкалывая Аннет и подливая масла в огонь. — Кит Шелкопряд давно уже не чистит чужие карманы. А зря; такой талант пропадает!

— Вообще— то, чищу, — спокойно ответил Кит, засунув руку в карман и извлекая какую— то измятую бумагу. — Вот, прихватил у Барбариса по случаю.

— Вы ограбили Барбариса, пока дрались?! — изумилась Аннет.

— Вообще— то, раньше, — неприязненно ответил Кит. — И, кажется, эта бумага очень важна для него, раз он держал ее у самого сердца. Да еще и под заклятьем.

— Так что с каретой? — деловито и нетерпеливо спросил Нил.

— Разводи огонь,— велел кит. — Карл, сварим разовый ключ?

— А то! — радостный, что его наконец— то заметили, подал голос котел.

— Разовый ключ? Куда?! — испуганно произнесла Аннет.

— В Академию Голодранцев, — ответил Кит. — Самое лучшее и самое интересное место на земле. Своим ходом мы долго туда будем добираться. А через магическую тропу будем на месте уже через полчаса.

– Если так, то зачем вообще нужно было ехать по лесу и подвергаться опасности?! — возмутилась Аннет. — Хотели показать мне, какие вы сильные и умелые маги?! Мальчишки!

Кит и Нил снова переглянулись. Нил насмешливо фыркнул.

— Она как принцесса на горошине, — насмешливо произнес он. — Гонору много, а жо…

— Нил!..

—…я хотел сказать, платье она носила не новое, рваное, — быстро поправился чертенок, почесывая макушку. — Гонору— то многовато для приютской девицы, я хотел сказать.

— Можно ходить с голой жопой, — угадав конец оборванной фразы, резко ответила Аннет, — но при этом иметь достоинство!

Нил даже языком цокнул от восторга.

— Строптивая какая! — произнес он. — Люблю таких!

А вот Карл рассердился по— настоящему.

— Какое достоинство! Чудовищное невежество и неблагодарность! — верещал он, подпрыгивая высоко в воздух, словно был не каменным котлом, а легким мячиком. Его крышка— макушка с грохотом елозила с места на место. — Ни крупицы знаний! Все знают, что магическую тропу, открываемую разовым ключом, можно сотворить лишь на перекрестке семи дорог! Да— с! Не у дверей приюта, мимо которого тянется еле— еле одна тропка, а семь! Дорог!

Его пламенная речь произвела на Аннет неизгладимое впечатление, и ей стало ужасно стыдно, даже стыднее, чем поссориться с Китом.

«Ой, какая ж я дура, если даже пустоголовый каменный горшок умнее меня! — подумала она, смущенно смолкнув. — Я и правда в магии не понимаю, чего полезла указывать?»

— Понятно, — смущенно пискнула она. Но Карл не унимался.

— Вы думаете, юная леди, почему эти нечестивцы напали на нас именно тут? — кипятился он. — Потому что это самое удобное место для перемещения! Вон за тем поворотом перекресток, а тут неподалеку растет разорви— трава, нужная для зелья!

— Да понятно, понятно! — с нарастающим раздражением произнесла Аннет. — Все, я беру свои слова обратно, не знала! Не слишком ли много нравоучений?!

Карл вдруг прекратил ругаться и шумно принюхался.

— Поздние ягоды, — пробормотал он. — Брошенные птичьи гнезда… Свежие лисички! Масля— а— а— ата…

И застонал с таким отчаянием и с такой мольбой в голосе, что любое, даже каменное, сердце облилось бы кровью.

Кит вздохнул, оглянулся.

— Ладно, — сказал он, вынув из кармана какую— то фляжечку. — Сходи, погуляй. Но только недолго! Пока Нил вон собирает хворост. А мы пока посмотрим, что за бумагу прятал Барбарис.

Кит отвинтил крышечку, и Карл с готовностью разинул рот, словно послушный мальчик, готовый проглотить ложку микстуры из рук врача. И он проглотил эту самую микстуру с причмокиванием, облизав длинным языком тонкие губы.

— Ва— ха— ха— ха— ха! — засмеялся он ну совершенно по— злодейски, подпрыгивая на месте, когда микстура начала действовать.

Он напрыгнул на какой— то камень, спрятавшийся в листьях, и тот прилип к нему, образовав подобие туловища. Приставшая ветка стала рукой; еще пара камней затопала, как ноги.

Собрав себе тело из подручных материалов, и напялив на голову подмороженный лопух, словно шляпу, Карл весело запрыгал по лесной дорожке в чащу, по пути хватая руками— ветками притаившиеся в палых листьях грибы и заталкивая их себе в рот. Попутно он рвал какие— то листья, принюхиваясь к ним своим крохотным шмыгающим носом. И

если эти листья ему подходили, Карл рвал их, за волосы приподнимал свою макушку— крышку и складывал свою добычу в свою голову.

Аннет смотрела на это вытаращенными глазами.

— Вот это да! — только и смогла сказать она. — Как такое возможно?

— Оживляющий эликсир, — небрежно ответил Кит, присаживаясь на поваленное деревце. — Старинный рецепт. Правда, неполный. Я работаю над ним.

— Хочешь оживить кое— кого? — хитро прищурилась Аннет.

— Иногда о потерях очень сожалеешь, — туманно ответил Кит.

Нил быстро развел огонь из собранного валежника, высекая искру своим черными лакированными когтями. Пламя осветило небольшое пространство, и Кит развернул украденную у Барбариса бумагу и разгладил ее, разложив на коленях.

— Какой— то документ, — заметил Нил, сунув любопытный нос в бумагу.

— Купчая! — подтвердила Аннет, тоже глянув.

— Купчая на тебя, Аннет, — дополнил Кит дрогнувшим голосом.

— На меня?! — вскричала пораженная девушка. Кит кивнул и передал ей документ.

— Сама почитай.

— Но кто мог меня продать?! — на глаза девушки навернулись слезы.

— Родители. Никакая ты не сирота, Аннет.

***

Повисло неловкое молчание.

В свете костра, разведенного Нилом, Аннет лила слезы, глотала соленые капли, и все читала и читала слова договора купили— продажи, такие обычные, но такие дикие, непонятные.

Подпись отца, Говарда Алый Мак, была бледная, тонкая, словно бы нерешительная. Похожая на поникший цветок. А вот роспись матери, Беатриче, была четкая, угловатая, резкая, уверенная. Даже сейчас, после стольких лет, чернила на ней поблескивали. Мать с силой давила на перо, когда подписывала это. Никаких сомнений, никаких колебаний. Она хотела сделать это.

— Как же они могли?! — всхлипнула Аннет, отирая слезы. — Зачем? И, главное, кому?!

Покупателем значился как раз тот самый мерзкий Барбарис. В его шайку отдали Аннет, когда она была совсем крошкой. Возможно, из— за ее дара, который когда— то переливался и сиял, а теперь, без тренировок и обучения, почти совсем потух… Рыбоглаз, вероятно, растил Аннет для него, воспитывал и готовил для работы в шайке?

— А когда запахло жареным, они пошли на крайние меры, — пробормотал Кит. — Любыми путями хотели тебя оста-

вить при себе. Барбарис, конечно, рисковал, разрешив Рыбоглазу на тебе жениться. Рыбоглаз мог прибрать к рукам твои денежки, вильнуть хвостиком, и ищи его потом.

— Не стоило бы тебе вот так, без подготовки, такие вещи говорить девице, — неловко произнес Нил, с хрупаньем переламывая сухие ветки и подкидывая их в огонь. — Я знаю, что говорю. Это… мучительно больно, когда узнаешь о предательстве родных.

— Я тоже знаю, — глухо ответил Кит. Как— то незаметно для самого себя он оказался рядом с Аннет, и его рука осторожно обхватила девушку за плечи. И она разревелась в голос, уткнулась в его плечо и обхватила за шею, выплакивая свое горе, свой испуг и волнение. — Но иначе никак.

— Да, да, — печально подтвердил Нил. — Вам, докторишкам, дайволю и топор, и вы все решите в кратчайшие сроки. Тюк — и нет ноги. Хрясь — и рука больше не болит.

— Иногда надо сделать больно, — глухо подтвердил Кит, — чтобы человек стал здоров.

— Интересно, почему сам Барбарис не женился на ней, — мотнув головой в сторону Аннет, спросил Нил.

— Нашел дурака! Барбарис осторожен. А если б Аннет каким— то образом тренировала свой дар? А если б у нее родовой ключ оказался? И им она приложила б новоявленного муженька? Или того хуже — развелась бы с ним и отжала б половину его богатств?

— Да не нужны мне его богатства! — всхлипнула Аннет.

— Кстати, — произнес Кит. — Денежки— то твоей семьи тебе принадлежат. Ты объявлена наследницей и единственной хозяйкой всего, а родители твои остаются ни с чем. Вероятно, они сейчас влачат жалкое существование. Нищенствуют; и на такой шаг их должно было сподвигнуть что— то очень серьезное. Видишь, в строке «цена» написано, что продавец полностью удовлетворен оплатой и претензий не имеет. Но чем заплатил Барбарис — не написано. Похоже, за этот договор они выторговали для себя единственное, что действительно было им важно — жизнь. Отдав все— все— все взамен. Может, это их хоть немного извиняет.

Аннет больше не плакала; она решительно отерла щеки и глаза, решительно высморкала нос, чтоб тот не хлюпал.

— Не извиняет, — резко ответила она. — Можно было драться! Сражаться! Разве я не стою того?! Разве я дешевле жизни? И нищета… это не так страшно. Можно подумать, я до сих пор жила в роскоши? Нет! В той же нищете! Жили б все вместе, но в любви и в уважении, а не со знанием того, что для родных я стала разменной монетой!

— Вероятно, ты права, — пожал плечами Нил. — Ну что, в огонь бумагу? И облизнется Барбарис со своей покупкой?

Кит качнул головой.

— Его контракты не горят в огне, — тихо произнес он. — И не тонут в воде. Их нельзя порезать и разорвать. Ни одним существующим способом их не уничтожить. И рано или поздно Барбарис отыщет этот контракт и потребует его

исполнения. Он чует свои договора, потому что по старинке подписывает их своей кровью. И если эту бумажку увидит хоть какой— нибудь мало— мальски уважаемый суд, и попечительский совет, мое опекунство будет аннулировано, и Аннет отдадут по этому контракту Барбарису. Так что надо искать то, что поможет аннулировать контракт, и поскорее. А до тех пор укрыться в Академии. Ведь Академия своих не сдает.

— Жуткий тип, — с улыбкой произнес Нил. Он, как любой самоуверенный молодой человек, думал, что ему— то удалось бы справиться со зловещим Барбарисом. — Клятвы на крови… как это старомодно и глупо!

— Но ведь работает, — заметил Кит.

— Что же делать? — испуганно произнесла Аннет. — Куда его спрятать, чтобы он не почуял?!

— Если надо что— то спрятать необычным способом, — раздался из кустов хриплый голос, и на дорогу вывалился Карл, теряя по пути отстающие руки и ноги, — то дайте это сожрать Карлу! И ни одна живая душа не догадается, куда оно делось! Ой.

С последними словами от головы— котла отстало каменное туловище, и котел колобком покатился к костру, гремя крышкой.

— Карл, да ты просто клад! — воскликнул Кит, подскочив. — А ведь и в самом деле, о каменных котлах Барбарис вряд ли подумал, когда составлял эту бумагу. Давай, жри ее!

Молодые люди помогли Карлу подняться, установили его на бревнышко у костра и Кит протянул Карлу бумагу.

— М— м— м, похоже на свернутую в трубочку вафельку! — пробормотал Карл. Он разинул свой зубастый рот и с присвистом втянул бумагу. Для очистки совести попытался ее прожевать, но его острые, полупрозрачные, как сосульки на январском морозе, зубы только скрежетали, словно Карл грыз кусок железной кровли. — Но совсем не вкусно. Вот жалость.

— Ты ведь не станешь отрыгивать ее перед кем попало? — насторожилась Аннет, когда с контрактом было покончено.

— Разумеется, нет, — невинно ответил Карл. — Только перед тем, кто скажет тайное слово!

— Какое?

— Ну, например, «Карлуша молодец».

— Но это два слова!

— А тебе их жаль для меня?!

Аннет от этого препирательства впервые за время ее странного путешествия рассмеялась, и Карл надулся от гордости, понимая, что ему удалось немного повеселить и утешить девушку.

— Значит, принимается! — решил Кит. — Запомним эти слова.

— Тем более что это совсем не сложно, — скромно поддакнул Карл. — Это ведь чистая правда. Ну, а теперь за дело! Я ужасно продрог в этом лесу. Хочу в Академию, на горячий

очаг, поспать.

Кит приподнял крышку на каменном котле. Там, в его полости, аккуратно сложенные стопкой, были припрятаны собранные котлом листья нужных трав и корешки. Карл прекрасно помнил рецепты самых сложных зелий, и Киту подумалось, что котел вполне мог бы преподавать зельеварение вместо гномихи.

Карла установили прямо на раскаленные угли и долили в него воды из походной фляжки. Вода мгновенно вскипела ключом, всплыли ягоды и листья.

Кит достал из экипажа чемоданчик, распаковал множество бутылочек и баночек. Он отбирал нужные, откупоривал, подавал Нилу. Тот острым черным ногтем черпал оттуда ровно столько, сколько велел Кит, и сыпал в котел.

Зелье запахло на удивление приятно, карамелью и печеными яблоками, но даже обжора Карл не стал просить попробовать его. Наверное, потому, что прекрасно знал, как оно действует.

Пену, брызнувшую на огонь, Кит снял длинной серебряной ложкой и поднес ее лошадке, как ни странно. Умное животное послушно слизнуло предложенное ей угощение. Раз — и на лесной дороге ничего не стало, ни лошади, ни повозки. А Кит поднял из палой листвы крохотную игрушку из дерева, лошадку, запряженную в повозку.

— Вот это ловко! — удивилась Аннет. — Как такое возможно?!

— Погоди, – сказал Кит. — Поучишься в Академии, и тоже так сможешь.

То же самое Нил сделал со своим скакуном, превратив его в маленькую игрушку.

Остальной отвар, который теперь сверкал, как расплавленное серебро, молодые люди аккуратно вылили на дорогу, начертив им подобие стрелы, указывающей в нужном им направлении.

И только после этой манипуляции Карл тоже слизнул волшебную пену, превратившись в крохотный игрушечный котелок, который Кит аккуратно и бережно положил в свой карман.

— Ну, идем?

Он подал руку оробевшей Аннет и первый ступил на сияющую стрелку. Прошел по ней, унося на подошвах сияющий свет, и Аннет просеменила за ним.

Последним замыкал шествие Нил, на всякий случай прикрывая небольшой отряд.

— Совсем скоро мы будем дома! — весело сказал Кит.

Глава 5. Под защитой Академии

— Фу, фу, ну и пылища! А это что такое, паутина?! Лягушки в углу?! Гнездо мышей в очаге?! Мошенники, куда вы меня приволокли?! Обещали элитную академию, а это что такое?! Это какой— то подвал, подземелье или сырые застенки?!

Молодые люди выглядели смущенными, слушая сердитую воркотню Аннет, которая оглядывала маленькое каменное помещение и ругалась, потому что серая паутина теперь украшала ее новую модную шляпку вместе с вуалью. И сказать по правде, паутины на шляпке было намного больше, чем вуали!

— Никакое это не подземелье, — наконец, смущенный, ответил Кит, почесывая затылок. — Это… м— м— м… холостяцкое жилище! Вот.

— Жилище? — насмешливо повторила Аннет, оглядываясь. — И кто же здесь живет?!

— Карл, — тут же нашелся Нил, у которого лицо вытянулось, будто у чертенка живот свело от нравоучений девчонки и зубы заныли все разом. — Тут Карл живет. А вообще, это даже не жилье. Это наша тайная беседка Контрабандистов. Тут мы…

— Мусорите, — подсказала угодливо Аннет. — Боже, сушеные крысы под потолком! О, какой кошмар! Уголь на по-

лу! У нас в приюте и то чище было, хотя метлу мы ломали в ближайшем ивняке, а у вас тут, я посмотрю, стоит новешенькая, купленная на рынке! А ну, дайте мне ее сюда, я мигом наведу порядок!

— Ну, не в новом же платье! — в отчаянии воскликнул Кит, которому стало крайне неудобно оттого, что он не подумал, куда ведет свою подопечную. В самом деле, приглашать девушку в магическую лабораторию, которая простояла целое лето без дела, и где хозяйничал каменный котел, было весьма опрометчиво.

— Ничего, я аккуратно. Не в первый раз приходится разгребать горы мусора, оставленные грязнулями! А это что такое?! Птичьи перья?! Он что, ест птиц?! Бедных маленьких садовых птиц?!

— Карл ест абсолютно все, — отрезал Нил, у которого зубы ныли все сильнее. — Мышей, крыс, птиц, бабочек, стрекоз, кроликов…

Аннет шумно ахнула, ужасаясь судьбе беззащитных кроликов, и Кит покрылся алыми пятнами и стрельнул на друга сердитым взглядом.

— Нил! — прошипел он, и чертенок осекся, перестал перечислять все меню ненасытного Карла.

— Ну, я пошел. Вы тут сами, без меня, разбирайтесь. А у меня дела! Я итак пропустил пару занятий… а еще переэкзаменовка…

— Ты завалил экзамен?! — удивился Кит.

— Бэзилу стало мало кактусов, которые я раздобывал в кабинете моего папаши, — туманно ответил Нил. — Кстати, можешь замолвить за меня словечко перед ним?..

— А это что такое?! — возмущалась меж тем неугомонная Аннет, обнаружившая в углу потемнее бутылку с подозрительной алой жидкостью. — Кровь девственниц, или… Вино?!

Тут уж густо покраснел Нил.

— То есть, — тотчас истолковала его замешательство язвительная Аннет, — вы, господин боевой демон, настолько беспечны, что не выучили предмета, а вместо этого развлекаетесь тут с каменным котлом?!

— О— о— о, — протянул Нил, отступая назад с выражением крайнего замешательства на лице, — да ты попал, господин опекун. Сдается мне, это она тебя опечет… припечет… Запечет до хрустящей корочки! Давай сюда повозку с лошадью, я верну их на конюшню. Ну, пока!

И бесстрашный Нил дал стрекача, только его и видели.

— То есть, и вы пьете вино, господин опекун? — невинно, и вместе с тем невероятно язвительно произнесла Аннет.

Кит проглотив все слова, которые он хотел выкрикнуть вслед удравшему другу, взял себя в руки и как можно строже посмотрел на Аннет.

— Иногда, — уничтожающе произнес он, глядя ей прямо в глаза.

— И какой же вы пример мне подадите, — продолжила

Аннет все более сладким, ядовитым тоном, — господин опекун, если будете разгильдяйствовать, с друзьями попивать сладкое вино и не будете учиться? Ай, ай! Что скажет попечительский совет!

От этого вкрадчивого шантажа у Нила глаза на лоб полезли, уголок рта нервно задергался. Кажется, он только что понял, какую занозу на свою задницу приобрел.

— Я не разгильдяйствую, — так же ядовито и сладко, в тон ей ответил Кит, заводясь. — И с учебой у меня все отлично, я один из лучших студентов академии! А вино я буду попивать с дружками без вашего присутствия, так что вы этого не увидите и потому не научитесь у меня ничему плохому!

— Нет— нет, господин опекун, — не сдавалась ласковая и опасная Аннет. — Я теперь от вас ни на шаг не отстану!

— Отстанете, — не уступал ей язвительный Кит. — Еще как отстанете! У вас будет своя комната для занятий и отдыха, да что там комната — девушки живут отдельно от молодых людей, в разных зданиях! Так что видеться мы с вами будем очень редко!

— Вот как, — пела ужасно вкрадчивым и ужасно противным голосом Аннет. — Но вы же мой опекун! Можно, я стану называть вас «папа»? Разве можно разлучать ребенка с родителем? Я бы засыпала под вашим одеялком, а вы бы грели мне озябшие ножки… папа.

Внезапно Кит стремительно шагнул к девушке, и она, от-

прянув от него, очутилась плотно прижатая к каменной холодной стене. А ее молодой опекун, упершись ладонью в стену, навис над ней.

В его темных глазах танцевали искры смеха, и еще какое— то непонятное девушке чувство, то ли изумление, то ли интерес, словно она была каким— то чудом, а Кит только сейчас заметил это и теперь пристально и с любопытством рассматривает ее.

— Я правильно понял, — тихо— тихо, словно кто— то мог услышать их разговор, — вы хотите забраться в мою постель, Аннет?

— Я, — пробормотала Аннет, понимая, что заигралась и сболтнула лишнего, — я не это имела в виду… то есть…

— Не это? А что? И это — это что? Что вы имеете в виду? О чем это вы размечтались глядя на меня?

— Даже и не надейтесь, — храбро выпалила Аннет. — Вы мне не нравитесь! Вы на самом деле чуть симпатичнее Рыбоглаза, и то потому, что у вас костюм новый! Но вам, чтобы очаровать девушку, надо как следует постараться!

— Да— а?!

Кит склонился еще ниже, вводя девушку в ступор и заставляя ее гореть от стыда.

Казалось, он размышляет, поцеловать ли ее; его нос почти касался ее носа, губы — ее губ. Аннет казалась, что она ощущает даже его улыбку; и девушка все крепче вжималась в спасительную каменную кладку, стараясь изо всех сил от-

вернуть лицо от Кита.

Но он словно нарочно преследовал ее. Его дыхание обжигало ее губы, тихий смех преследовал, и Аннет, обмирая от страха и стыда, понимала, что вывернуться из— под его руки ей не удастся. Кит не делал каких— то угрожающих движений, но она помнила, как он без труда обчистил и Барбариса, и ее саму. Так что поймает и удержит, если ему надо будет…

А Аннет вдруг до смерти захотелось, чтобы Кит не трогал ее.

Не касался ни единым пальцем.

И его ладонь, та, что спокойно лежала на камнях, пусть бы и лежала там дальше.

«Если он коснется меня хоть пальцем, я умру! — в панике подумала Аннет. — У меня просто сердце разорвется! Просто разорвется!»

И, главное, с чего бы ей так волноваться?!

Но близость Кита опьянила ее, выбила из колеи.

Внимательные карие глаза молодого человека, казалось бы, смеющиеся и веселые, на самом деле были полны такой ласковой нежности и грусти, что Аннет хотелось разрыдаться, обнять ладонями его лицо и целовать его, целовать, пока потаенная тоска на дне его глаз не растаяла бы.

Ноги девушки подгибались, она чувствовала, как сползает по стене, оглушенная и ослепленная его улыбкой, его доступностью, его теплом. И Аннет упала бы, и не только на пол, но и в обморок, если б Кит не подхватил ее и не встрях-

нул, приводя в чувства.

Его невероятное обаяние вдруг испарилось, и Аннет медленно приходила в себя, шумно дыша.

— У меня отец инкуб, — внезапно холодным, неприятным голосом проговорил Кит, глядя в лицо сомлевшей девушке строгими глазами. — Мне и пальцем не надо шевелить, чтобы очаровать девушку. Достаточно улыбнуться. Ваше счастье, я не пользуюсь этим даром. Не то в мою постель вы бы забрались уже сегодня вечером, по водосточной трубе. Погреть ножки, гхм.

— Однако, — охрипшим от пережитого волнения, произнесла Аннет, — не много ли вы себе позволяете, господин опекун?!

— Не много, — холодно отрезал Кит, отпустив ее и резко отстраняясь. — В самый раз. Я как раз хотел подчеркнуть, что отношения между нами возможны только деловые и… родственные. Да. Можете называть меня папой, если вам так хочется, — едко заметил он. — Но на большее и не надейтесь.

— Я?! Надеюсь?! — вскричала оскорбленная Аннет. — Да ведь вы сами целоваться полезли!

— Я? Полез? И что, поцеловал?

— Нет! Но…

Договорить она не успела.

На пол с грохотом и звоном вдруг из ниоткуда свалился Карл, гремя крышкой и вращаясь вокруг своей оси на одном

своем ухе. Время волшебства вышло, и он, всеми позабытый, выпал из кармана Кита и вернул свои прежние размеры.

— Ух ты, — произнес он, переводя дух. Глаза у него были абсолютно косые. — Голова закружилась...

— А, господин Карл! — Аннет была рада ему, как родному, потому что своим появлением он отвлек ее от неудобных препирательств с Китом. — Вы— то мне и нужны!

— А? — удивился Карл, перестав вращаться на ухе и скосив и без того свободно плавающие в глазницах глаза на девушку.

— Это ваш дом, ведь так?

— Эм? — пробормотал удивленный Карл, покосившись на сей раз на Кита.

Тот строил страшные рожи и явно что— то подсказывал, но что именно! Поди, узнай!

— Ну, — в замешательстве произнес Карл, — в некотором роде…

— Так это вы тут навели такой беспорядок? Эти вот жабы, эти перья…

Карл тотчас принял оборонительную позицию.

— А что ж вы хотите, — сварливо ответил он. — У меня рук и ног нету! Убирать нечем! А если и съел птичку, то от голода! Мне что, кто— нибудь сварит похлебку? Как бы ни так! А работать приходится на износ!

Карл притворно всхлипнул и вопросительно глянул на Кита. Тот одобрительно продемонстрировал ему оттопырен-

ный большой палец.

— Ну, что вы, господин Карл, — ласково заворковала Аннет. — Я вас совсем не виню! Я, наоборот, хотела спросить у вас разрешения тут прибраться… Вы же не против? Такой храбрый котелок! Вы, можно сказать, мой спаситель! Так что я вас просто обязана отблагодарить!

Кит, которому ни единого слова благодарности не досталось, чуть не взорвался от возмущения, но сумел смолчать. А Карл очень обрадовался.

— О, господин! Так меня еще никто не называл! — польщенный, тотчас подобрев, произнес он. — Валяй, драй полы! И это… можешь сварить супца? Очень уж горяченького хочется!

****

Но ни ответить, ни тем более приготовить наваристого супца Аннет не успела.

В окошечко в беседке, приоткрытое по поводу духоты и сырости, вдруг втянуло черный дым, и на месте потухшего очага, прямо посередине небольшого помещения, вдруг материализовался Рыбоглаз.

Он был растрепан, испачкан в лесной грязи и очень, очень зол. И выглядел он теперь как— то… иначе.

Его мягкая, грузная полнота казалась теперь тяжелой, каменной массой, поношенная, роскошная раньше одежда — отблесками былого величия. Как будто когда— то давно, может, в другой жизни, этот сильный, большой человек был

невероятно богат и успешен. А потом что— то случилось, и его широкие плечи поникли, мощный загривок оброс жирком, даже икры — и те округлились, как у дебелой поварихи.

И осталось как напоминание о лучших временах только поношенное платье, все еще красивое, но уже маловатое на разжиревшее тело…

Рыбоглаз сурово сопел, глядя исподлобья выпуклыми круглыми глазами. Его лицо тоже казалось тяжелым, грубым, словно высеченным из камня. Даже его щеки, вечно висящие, как у раскормленного бульдога, теперь странным образом осунулись и походили на гранит.

Огромная каменная глыба — вот чем казался Рыбоглаз сейчас.

— Ай! — заверещала Аннет, позабыв разом все свои обиды и претензии к Киту и прячась за его спину.

Кит не стал ее отталкивать; напротив, заступил, закрыл собой, и даже руку завел за спину, как будто намереваясь обхватить Аннет к себе прижать. Это было ужасно смело и так же сильно— сильно мило, потому что Кит на фоне угрожающего Рыбоглаза почему— то стал выглядеть хрупким и маленьким. Вот как напыжился этот Рыбоглаз!

— Как вы попали сюда? — выкрикнул Кит задиристо и смело. — В Академии нельзя быть посторонним!

— Если очень хочется, то можно! — невежливо огрызнулся Рыбоглаз. — С Академии была снята защита, кажется, как только переловили всех ядовитых бабочек. А что до

того, можно ли мне здесь находиться… Вы украли одну мою дорогую вещь, и я хотел бы ее вернуть! Отдайте мне ее, и я не расскажу ректору вашей Академии о вашем непростительном поведении, юный Шелкопряд!

— Я не вещь! — выкрикнула яростно Аннет, выскочив вперед. Но Кит снова задвинул ее себе за спину.

— А расскажите, — небрежно и нахально ответил Кит, глядя исподлобья на злого, как три черта, Рыбоглаза. — Интересно, что он ответит вам. С учетом того, что на этой девушке нет ни единой вещи, которая принадлежала бы вам!

Рыбоглаз даже захрюкал и захрапел от злости, словно его душат.

А Аннет подумала с толикой грусти, что Кит— то совсем не планировал ей понравиться, когда преподносил новые вещи и подарки. Он просто страховался от претензий директора приюта!

— Она принадлежит господину Барбарису, — прорычал Рыбоглаз, глядя на Кита налившимися кровью глазами. — Да, она не вещь, но он купил ее, заплатил хорошую цену, и на эту сделку у него имеются документы! А в этом мире серьезные люди здорово уважают право собственности!

— Так что ж вы сразу не сказали! — беспечно усмехнулся Кит. — Предоставили б документы…

Карл, услышав о проглоченном им документе, навострил ушки и чересчур ловко и бесшумно отпрыгнул в тень; но в целом этот хитрый котелок тщательно делал вид обычной

посуды и не привлекал внимания Рыбоглаза.

— Вы же знаете, — злобно и мерзко выкрикнул Рыбоглаз, багровея, — что документ исчез! Он похищен, и похищен вами, юный Кит Ветрогон! Или Шелкопряд, или как вас там! Я говорил, говорил Барбарису, что у вас хватит нахальства обчистить его карманы! Это вы выкрали бумагу!

— Это все наговор, — так же беспечно ответил Кит. Даже бровью не повел в ответ на это обвинение, вот же нахал! — Если бумага у меня, вот он я, найдите ее!

В ответ Рыбоглаз ощерился, зло и противно, и вдруг выхватил свой ключ и навел его на Кита.

— Вы думаете, мне не хватит мастерства, чтобы совладать с вами, мастер Кит Шелкопряд, — зловеще проговорил он, наступая на Кита. — Блестящий ученик самой престижной академии!.. Что с этого блеска, если вы всего лишь лекарь? Умудрился скрыть документ так, что даже хозяин его не чувствует? О да, я обыщу вас, я хорошенько вас обыщу, и непременно добуду то, что мне нужно! Не забывайте: ваших навыков не хватит, чтобы противостоять моим умениям, я ведь настоящий боевой маг! И я был когда— то неплох, очень неплох!

Он яростно щелкнул ключом, отпирая целый водопад черной и очень опасной магии, и Кит едва успел увернуться, увлекая за собой и перепуганную насмерть Аннет.

Черная вспышка ударила ровно в то место, где они секунду назад стояли, а Рыбоглаз с ругательствами начал сдирать с

себя плащ Кита, который молодой человек на него накинул, как сеть на откормленного окуня.

А когда он освободился, стащил со своей взъерошенной головы плащ Кита, на него угрожающе смотрел ключ, но не лекарский, а тот, что Кит подарил Аннет. И Кит, вооруженный им, выглядел более чем грозно.

— А ну— ка, господин Рыбий Глаз, или как вас там, — процедил Кит, наступая на внезапно оробевшего Рыбоглаза, — собирайте— ка свои сопли, свои амбиции и желания и ступайте отсюда, по добру, по здорову.

— Ах, так…

Рыбоглаз был настроен очень решительно, и отступать не собирался. Может, его и пугал ключ в руке Кита, но больше его страшил гнев Барбариса. Поэтому Рыбоглаз без лишних слов яростно взмахнул ключом, искусно выписывая какой— то невероятно сложную магическую фигуру, будто отпирая замок с невероятно сложным секретом.

Но Кит не позволил ему довести это сложное и опасное заклятье до конца. Он сделал своим ключом одно неуловимое движение, и скрипящая молния, визжа, сорвалась с кончика его ключа и резанула Рыбоглаза, откинув его к стенке.

— Ах! — выдохнул раненный Рыбоглаз. — Ловкий, подлец… откуда у тебя ключ демонов?..

Молния пробила ему плечо, Рыбоглазу было ужасно больно, но свой ключ он не выронил. Его заклятье, ужасное и грозное, медленно таяло в воздухе, и Рыбоглаз изо всех сил

старался, тянул свой ключ к оборванному краю магической фразы, чтобы завершить ее.

Но Кит угрожающе покачал головой.

— Только попробуй, негодяй, — пробормотал он. — Только попробуй! Вы, ваша шайка привыкла, что все вам дается без особого труда. Думали, что и у меня сможете все отнять? Все то, что я нажил сам, без вас? Все, к чему я стремился? Думали, если я стал докторишкой, а не мясником, вроде вас, то меня можно запугать и отобрать силой то, что хочется? Ну, уж нет!

— Щенок… Откуда у тебя этот ключ, — стонал Рыбоглаз, корчась от злости и боли. — А— а— а?..

— Сам сделал, — дерзко ответил Кит и снова опасно щелкнул ключом.

На этот раз молния была не такой сильной, она лишь чувствительно ужалила Рыбоглаза в живот, но и этого было достаточно, чтоб он вскрикнул и выронил свой ключ из ослабевшей руки.

Карл осторожно, медленно вынырнул из тени и приблизился к страдающему Рыбоглазу, распластавшемуся по каменной кладке. Его маленькие недобрые глазки горели зловещим огнем. Он весь обратился в слух, но по— прежнему никак не выдавал своего присутствия.

— Эта девушка, — выдохнул Рыбоглаз, видимо, решив пойти ва— банк, — само исчадие ада! Ты здорово пожалеешь, Шелкопряд, что с ней связался. Ты же не думаешь, что

Барбарис бьется за нее потому, что у нее золотые локоны и ангельский взгляд? Нет, разумеется. В этой девчонке заточено столько зла, что хватит и на целый город, полный негодяев! Она порочна, она лжива и насквозь проросла пороком и злом! Не смотри на ее ангельскую внешность, это обман! Ее темная сила нужна Барбарису! Он хотел выдоить ее, вот зачем Аннет ему понадобилась! А ты, юный Шелкопряд, слишком глуп и самонадеян, если думаешь, что справишься с ее порочностью, с ее злом, и сможешь перевоспитать ее и сделать ее такой же чистой и наивной мечтательницей, как ты сам!

От этих лживых злых слов у Аннет слезы из глаз так и брызнули. Забыв об осторожности, она выскочила в перед и гневно топнула ногой:

— Ты все врешь! — прокричала она яростно. — Врешь, врешь! Я не лживая, я не врала ни разу в жизни! Я никому зла не желала и не делала! Ты врешь…

Внезапно Рыбоглаз, до того беспомощно стенающий и охающий, вдруг рванул вперед , протягивая страшные руки со скрюченными пальцами к Аннет, и та оглушительно заверещала.

Так бы и вцепился Рыбоглаз ей в волосы, но тут на помощь подоспел Карл.

Подпрыгнув вверх с невероятной для котла прытью, он впился острыми, как у щуки, зубами в руку Рыбоглаза, и тот с воплем рухнул на пол, увлеченный вниз тяжестью камен-

ного котла. А Карл рычал и трепал его, как злобный пес.

— Вы пожалеете, вы очень пожалеете об этом! — выл и вопил Рыбоглаз.

Но недолго.

За окнами беседки послышались взволнованные голоса, блеснул свет фонарей. Скрипнула старая дверь и в беседку ворвался Нил, злой и растрепанный.

— Да что ж это такое, — посетовал он жалобно, за шиворот встряхивая грузного стенающего Рыбоглаза. — Стоит только отвернуться, как нарушители тут как тут!

— Я ничего плохого не сделал, — захныкал Рыбоглаз, снова притворяясь беспомощным и жалким толстяком. — А меня тут побили… искалечили… искусали…

— Карл, выплюнь ты его! — взмолился Нил, заметив, что на рукаве Рыбоглаза болтается неугомонный каменный котел. — Не приведи магия, у него в рукавах дохлые крысы, или, может, птицы! Снова отравишься!

***

Нил, конечно, был крепким и тренированным молодым человеком. Но та легкость, с которой он поднял одной рукой довольно грузного Рыбоглаза, показалась Аннет странной.

«Да под ним лестница тряслась, когда он шел наверх!» — промелькнуло у нее в голове.

— Это какая— то ловушка! — воскликнула она, рванув вперед.

Но Нил и сам сообразил, тем более, что Карл, трепля про-

тивника за руку, оторвал ему рукав, и под ним обнаружилась пугающая пустота. Словно руки у Рыбоглаза отродясь не было.

— Морок, морок! — вопил Карл как одержимый, подскакивая и гремя крышкой. — Бей его! Лупи его!

Нил одним пинком распахнул настежь двери в беседку, а вторым направил то, что было у него в руках, наружу, в самую холодную осеннюю грязь.

То, что притворялось Рыбоглазом, с воплем просвистело над обрезанными розовыми кустами, и с чавканьем врезалось в землю, раскисшую от моросящего дождя.

— Ай! — пропищал рыбоглаз странным тонким голоском. Словно лягушонок проквакал.

В саду, за стенами беседки, было темно и лил дождь. Боевые демоны, которые прибежали вместе с Нилом на подмогу, показались Аннет грозными черными тенями с горящими глазами, полуразмытыми холодными струями.

«Вот это парни! — подумала Аннет в абсолютном восхищении, глядя, как они обступают ворочающееся у их ног нечто. Все высокие, длинноногие, все на подбор спортивные, в черной коже, все с боевым оружием, в которое превращаются их ключи! — Вот это мощь! Вот это стражи!»

— Не имеете права! — меж тем верещал Рыбоглаз совсем не своим голосом. Точнее, не Рыбоглаз, а какое— то нелепейшее существо, наряженное в его одежду. — Помогите, убивают!

— Я живьем тебя сварю! — надрывался неугомонный Карл. — И сожру без соли и перца!

Морок все сильнее истончался, ветер разрывал небрежно сотканный из магии образ, и голос его звучал все противнее и все тоньше.

Неизвестно, что студенты— демоны с ним сделали бы, но тут из осеннего мрака вынырнула еще одна фигура, тонка по — девичьи, и над мороком завис огромный камень, подчиняясь пассу ключа.

Аннет успела рассмотреть бледное лицо девушки, ее тонкие, недобро сжатые губы и золотые волосы, действительно золотые, развевающиеся под порывами холодного ветра.

Одета она была тоже в черное, в длинное кожаное пальто, украшенное искусно переплетенными шнурами. Красивый и пугающий образ, словно девушка тоже была демоном. Но она им не была; просто, наверное, хотела бы причислить себя к их братии.

Она уверенно и совершенно безжалостно щелкнула ключом, и камень ухнул вниз, на корчащийся морок, с чавканьем раздавив то, во что он был облачен — синюю бархатную одежку. В разные стороны полетели грязные брызги. Юноши с руганью отпрянули, погасив страшный огонь своих голодных глаз.

А у камня, попавший в ловушку, облаченный в чужое платье, полы которого теперь были прижаты под рухнувшим булыжником, сидел мелкий гоблин с длинными тощими нога-

ми. Выглядел он прежалко; те, кто его отправили на опасное задание, даже ботинок ему не выдал. И гоблиненок, уродливый, как лягушонок— заморыш, сидел в грязи, тер лапой глаза, хныкал и поджимал замерзшие пальцы на ногах.

— Предатель! — завывал Карл, все никак не угомоняясь. — Сожру— у— у— у!

— Можно подумать, — желчно пробубнил Нил, обращаясь к златовласке, отряхивая свою одежду от попавших на него брызг, — мы бы сами, без тебя, не справились!

Златовласка насмешливо искривила губы.

— Ловить лягушонка толпой демонов, — язвительно отчеканила она, — то еще занятие. Самое оно для того, кто не сдал экзаменов и рискует вылететь из академии! Да, тогда тебе уж наверняка не светит приличное место мага! Так и будешь бегать, пока не собьешь сапоги!

— Не собью, — беспечно ответил Нил. Если Златовласка гневалась и всячески пыталась его уязвить, то он наоборот, демонстрировал абсолютную расслабленность, чем злил ее вернее, чем она его.

Златовласка снова фыркнула насмешливо и перевела взгляд на Аннет.

— Что, нравятся демоны? — бесцеремонно и довольно неприятно поинтересовалась она у притихшей девушки. — Я бы на твоем месте поостереглась бы! Они, конечно, красивые, и им свойственен некий особенный хулиганский шарм. Но они совершенно безответственные. Как доходит до се-

рьезных отношений, они так и бегут!

— Неправда, — вклинился Нил.

— Из— под венца бегут! — словно не слыша его слов, повторила златовласка мстительно.

— Никуда я не бежал, — чрезвычайно беспечно и даже радостно, парировал Нил. — Ты выбрала день, в который я был занят. Зачем было настаивать на этом дне? Ты же знала, что у меня переэкзаменовка.

— Которую ты провалил! С тем же успехом ты мог вообще не ходить, ничего бы не изменилось! — вспыхнула златовласка.

— Не пойти к Бэзилу? Не очень— то вежливо, учитывая, что он только меня и ждал.

— Ты мог отпроситься! Перенести экзамен на другой день!

— Ты тоже могла перенести на другой день.

Бывшие жених и невеста стояли лицом к лицу, взъерошенные, злые. Нил перестал делать вид, что ему все равно, а златовласка так просто кипела.

— Зато ты быстро утешился, — уничтожающе прошипела златовласка, стискивая кулаки. — Нашел себе новую хорошенькую мордашку, на которую можно пялиться?

И она кивнула в сторону Аннет.

Та вспыхнула:

— Эй! — сердито выкрикнула она. Но златовласка и Нил ее уже не слушали.

— Мордашка! — паясничая, воскликнул Нил, всплеснув руками. — Кто бы мог подумать, что я тут ради мордашки! Ой, а это кто?! — он недружелюбно и неосторожно ухватил златовласку за плечи и развернул лицом к Киту. — Кит, дружище! Что ты тут делаешь, как ты тут оказался?! Как твои дела? Я— то не в курсе совсем, я ж тут ради мордашки, а не ради того, чтоб помочь старому другу! С разрешения, к слову, магистра Леонидаса!

Его голос загремел яростно, но златовласка не напугалась. Она лишь фыркнула, нервно дернув плечом, освобождаясь от его рук.

Прочие демоны начали расходиться. Им ссора бывших влюбленных была не интересна, да и воевать толпой с жалким замарашкой— гоблином было как— то некрасиво.

— Ты вообще чего сюда притащилась? — грубо поинтересовался Нил.

— Напомнить вам всем, — ядовито произнесла златовласка, — что как бы вы не были заняты, а на занятия опаздывать нельзя! Мастер Леонидас напоминает, что вы должны явиться вовремя на его предмет! И вернуть учебное пособие! — она ткнула пальцем в сторону Карла.

— Сама ты пособие, — буркнул он сертито.

Кит меж тем подошел к гоблину.

Зеленый, остроухий, тощий, замерзший, он вызывал жалость, но не тревогу и не страх.

Сидя у пленившего его валуна, он шмыгал сопливым но-

сом и зыркал злобными глазками на компанию.

— Вот и что с ним делать, — произнес Кит. Он вернул ключ Аннет, и та, вешая золотую цепочку обратно на шею, покраснела. Пуговки на ее платье спереди были аккуратно расстегнуты как раз до середины груди. Ключ был там, как раз между грудей. И теперь Аннет казалось, что там, на коже, остался след от него, царапина, когда Кит тащил его у нее из — за пазухи.

«Стыдоба— то какая! — подумала она. — И когда он успел?»

— В карцер его, — кровожадно рыкнула златовласка.

— Да, в карцере сейчас намного теплее, чем в луже со льдом и палыми листьями, — ответил Кит. — А на ужин наверняка дадут каши.

— В моем брюхе еще теплее, — проклекотал зловеще Карл. — И там лежит уже несколько дохлых лягушек! Так что скучно ему точно не будет!

Гоблиненок злобно зыркнул на Карла, но смолчал.

— Ладно, — снова вздохнул Кит. — Надо его освободить.

Не успел он и договорить, как Нил взмахнул ключом, и камень испарился, словно его тут и не было.

Увидев это, златовласка вспыхнула до корней своих золотых волос.

— Ах, так! — вскричала она яростно. — Значит, не можешь сдать экзамен?! Значит, переэкзаменовки постоянные?!

Нил с вызовом посмотрел на нее и сделал этакий многозначительный жест бровями. Мол, понимай, как знаешь. Но факт был налицо — он прекрасно владел тем предметом, который якобы безуспешно пересдавал Бэзилу несколько раз.

Златовласка взвыла, подхватила полы своего пальто и почти бегом рванула вслед за ушедшими демонами.

— А ты все так же жесток, Нил, — заметил Кит.

Нил проводил рыдающую златовласку горящим взглядом и сухо ответил:

— Иногда жестокость это единственно верное поведение. Ты скоро это поймешь. Ты ведь сам демон намного больше, чем тебе этого хотелось бы.

Глава 6. С корабля на бал, с лесной дороги — на занятия

Молодые люди, ухватив Карла за уши, быстро шагали по садовой дорожке к зданию академии.

Гоблиненок, шмыгая покрасневшим носом, почесывая длинные зеленые волосатые уши, вприпрыжку бежал за ними. Нил привязал его за ногу, конец веревки обмотал вокруг уха Карла, и на узлы наложил заклятье. Но Аннет почему— то думала, что и без этих мер гоблин не сбежал бы.

Во— первых, пленившие его были к нему более чем снисходительны. А во— вторых, скорее всего, бежать ему было некуда, или небезопасно. Кто знает, что ему сделали б его наниматели, если б поймал

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.